

Денис Передельский

ПО ТУ СТОРОНУ ТЕНИ

ЧТО СКРЫВАЮТ СНЫ

18+

Денис Передельский

По ту сторону тени

«Автор»

2023

Передельский Д.

По ту сторону тени / Д. Передельский — «Автор», 2023

...«По ту сторону тени» - самый мистический роман современной России. В повествовании тесно переплетаются миры и времена, живые и мертвые, тени и люди, из прошлого встают ужасы Великой Отечественной войны и легенды древнего Желтоводья, послания из ниоткуда и мистические сны, космические силы и коды, которыми зашифрована вся наша жизнь. Главному герою предстоит разгадать главный шифр человечества. Только сделав это, он, как и каждый из нас, сможет познать собственное я.

© Передельский Д., 2023

© Автор, 2023

Денис Передельский

По ту сторону тени

Посвящается моим друзьям, без которых эта книга никогда не была бы написана

Все имена и фамилии действующих лиц, а также время, место и характер описываемых событий вымышлены, любые аналогии неправомерны

Господи, дай мне смирение для того, чтобы принять то, чего я не могу изменить; силы, чтобы изменить то, что я могу изменить; и мудрость, чтобы отличить одно от другого.

Курт Воннегут

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Неведомым чувством сердце распято:

Кто виноват и что виновато?

Тэсфайе Гэссэсэ

2003 год, три года после Миллениума

Мне часто снится один и тот же сон. Я поднимаюсь по длинной и круто уходящей вверх деревянной лестнице. Она совсем старая, ее ступени прогнили, жалобно скрипят и прогибаются под моими ногами. Сердце вздрагивает каждый раз, когда, кажется, вот-вот мягкая гниль изъеденного временем и жучком дерева расплзется под моей ногой.

Я не знаю, где нахожусь, куда иду и зачем. Просто иду, хотя по спине ползет в такт моим шагам липкий холодок страха, до того омерзительный, что я чувствую даже его запах – волнами исходящее от него чудовищное зловоние, которое неотступно следует за мной по пятам.

Вокруг теснится темнота. Тихо и кажется, что я остался один в целом мире. Поднимаюсь выше, но ничего не меняется: тяжелая тьма обволакивает меня. Она непроницаема и давит со всех сторон так, что трудно дышать. А лестница все также круто уходит в пустоту, в никуда. Однако я все иду по ней, поднимаюсь с необъяснимым упрямством осла, и внутри меня копошится предательское чувство, что буду идти так до тех пор, пока какая-нибудь ступенька не проломится подо мной и нога не потеряет опору.

Это страшит – не нащупать под ногой опору. И хотя внутренне я готовлюсь к этому, неизбежное всегда неожиданно.

Шаг, еще шаг. Вот и она, гнилая ступень. Я не вижу ее в темноте, но отчетливо чувствую, что сейчас произойдет. Еще мгновение, хррррусть... и я, беспомощно и жалко хватая руками воздух, уношусь в густую, бездонную мглу...

115

Я проснулся в ледяном поту, и, часто и глубоко дыша, вскочил в постели. Сердце колотилось так бешено, что, казалось, его оглушительный стук слышит весь мир. Эта мысль судорожно забила в голове, будто потревоженная птица отчаянно захлопала крыльями, – *чужой мир* слышит биение моего сердца. Руки мои невольно дернулись и припали к груди, словно старались заглушить буйный звук, не дать ему вырваться наружу, за пределы моего тела. Стран-

ное чувство тревоги тонкой оболочкой, как второй кожей, тут же обвилось вокруг меня. Что-то должно произойти. Или уже происходит, только я об этом еще не знаю. Что происходит?

Что случилось в этом огромном мире, пока я спал?

Я долго не мог прийти в себя. Лишь растерянно оглядывался по сторонам. Я дома, в своей кровати, один – жены нет уже второй день, она на каком-то симпозиуме в Москве. Не отсюда ли тревога? Может, с ней случилось что-то плохое? Может, она тоже поднималась по лестнице и не сумела дойти до конца?

Не сразу пришло понимание того, что со мной всего лишь приключился дурной сон. Такое бывает... Сознание вяло и неохотно возвращалось к жизни. В голове кружились банальные вопросы. К чему был непонятный сон? Куда я шел и зачем? Почему каждый раз ломается другая ступенька? Отчего я не могу вовремя остановиться, хотя знаю, что следующий шаг станет последним, что улечу в бездонную пропасть?

Я падал так уже тысячи раз, но все равно что-то заставляло меня взбираться наверх и вновь и вновь наступать на прогнившую ступень.

Спать дальше я не мог. Знал, если засну, то снова пойду по проклятой лестнице и снова сорвусь в бездонную пропасть. Надо успокоиться. Я перешел в кухню и, не зажигая свет, устроился на табурете возле окна. Закурил, равнодушно глядя в густую темноту за окном – там висела душная, июньская ночь.

За окном вяло ползла другая жизнь, но и там было пусто и темно, совсем как в моем сне. От мысли об этом липкий холодок страха зазмеился по моей спине.

114

Телефон зазвонил, когда я брился в ванной, без настроения скобля заросший подбородок дешевым одноразовым бритвенным станком. Звонок гулко прокатился по квартире, ловко поднырнул под закрытую дверь ванной и упруго отскочил от зеркала, в котором брилось мое отражение. Я подумал: ну и пусть звонят. Меня нет дома. Или есть, но сейчас я занят.

Я ведь могу быть настолько занят, чтобы не отвечать на звонок?

Телефон не умолкал. Он трезвонил, как сумасшедший. Казалось, что сработал не один, а несколько аппаратов одновременно. Почему раньше я не замечал, что у нашего старенького телефона такой громкий и неприятный звонок? Пришлось сдаться. Я отложил бритвенный станок, сполоснул покрытое рваными клочьями мыльной пены лицо несколькими пригоршнями воды, накинул на плечо полотенце и, на ходу утирая им мокрые щеки, вышел в прихожую. Снял трубку.

Ответом была тишина.

– Алло?! Говорите, слушаю вас, – сказал я.

Из трубки не доносилось ни звука, но я на миг представил себе, как таинственный человек со смазанным пятном вместо лица сидит сейчас в какой-то комнате и сжимает в руках телефонную трубку. А может, он стоит у таксофона? Напряженно вслушивается в нотки моего голоса и тихо насмехается надо мной. Вокруг снуют прохожие, но никому даже в голову не приходит, что человек, застывший с трубкой в руках и холодной усмешкой на устах, просто испытывает терпение другого человека.

И тот, другой человек, – это я. То есть, он испытывает мое терпение.

– Говорите же! Алло! Я вас не слышу! Что за дурацкие шутки?

Я хотел повесить трубку, как вдруг в ней раздался молодой женский голос.

– Ты кое-что мне задолжал, помнишь?

Голос прозвучал низко, далеко и бесцветно, словно его унес с собой слабый порыв ветра, растворившийся в просторах бескрайней степи. Казалось, он был мне не знаком, но интонацией заставил напрячься.

– Кто говорит?

– Ты меня не узнал? – сухо и невыразительно ответила девушка, и было не понятно, задала ли она вопрос или произнесла свои слова утвердительно. – Какая жалость... Я-то рассчитывала на другое. Ну да ладно, еще успеется. Главное, что я узнала тебя. Этого пока достаточно.

– Достаточно? Для чего? Для кого? Что за бред... Кто вы, скажите? Хорошо, можете не отвечать, если не хотите, сам догадаюсь. Только скажите, что я вам задолжал? Не помню, чтобы занимал в последнее время деньги.

– А кто тебе сказал, что речь о деньгах? – насмешливо поинтересовалась девушка. – Все время забываешь, что в мире много других ценностей. Впрочем, ты не меняешься.

– Послушайте, – чувствуя подступающее раздражение, сказал я, повышая голос. – Если вы звоните по делу, говорите быстрее и конкретнее. У меня нет времени на глупые разговоры. А если просто шутите, то советую больше никогда сюда не звонить. У меня есть друзья в милиции. Я быстро вас вычислю.

– Не волнуйся, я знаю.

– Знаете? Что знаете? Кто вы, черт побери?

– И ты меня знаешь, просто ты меня забыл. Не волнуйся, скоро ты меня вспомнишь.

Я похолодел от тона, которым были сказаны эти слова. Они словно подпирали собой высокую плотину, на которую давил невероятно мощный массив воды. И я почувствовал себя так, будто стоял под этой плотиной – дрожащей от напряжения и уже пошедшей, местами, пугающими трещинами.

Я желал, но не мог убежать – от ощущения не убежишь.

Я так и видел перед собой капельки воды, предательски просочившиеся сквозь глубокие трещины на серой бетонной стене плотины. Маленькие, дрожащие капельки, в которые превращались слова звонившей девушки. Одна маленькая капелька была не страшна для такой большой плотины. Но чем дольше я смотрел на стену перед собой, тем больше видел дрожащих капелек. Они появлялись одна за другой, и этот процесс был необратим, он лишь набирал мощь и скорость. Сначала капелек были десятки, потом стали сотни, тысячи, миллионы... Они одновременно подрагивали, будто волновались от чьих-то глухих методичных ударов гигантским молотом с той стороны стены, все сильнее и сильнее, и их дрожь, как по живой ткани передавалась плотине, которая тоже, казалось, начала мелко дрожать...

Пауза затянулась. Я встряхнул головой, стремясь сбросить оцепенение. Но воображаемая картина была слишком яркой. Осадок от увиденного опустился на дно желудка, вызвав слабый болезненный спазм.

– Простите, сейчас я занят и не могу говорить. перезвоните позже.

– Хорошо, – подумав, ответила девушка. – Только это не шутка, если ты решил, что...

Я повесил трубку и некоторое время простоял рядом с телефоном, ожидая, что звонок повторится. Аппарат упрямо и насмешливо молчал. Я вспомнил о наполовину выбритом лице и отправился в ванную. Кран презрительно фыркнул, воду отключили. День начинался превосходно! Сначала звонит какая-то ненормальная, потом отключают воду, и я не могу добриться...

Утро кормит весь день. Оно задает тон. Его нельзя проводить плохо. Я сходил на кухню, обыскал все, но не нашел и грамма воды. Даже в холодильнике не нашлось минералки, обычно стоявшей там. Тогда я полез на антресоли и достал оттуда большую картонную коробку, в которую мы с женой складывали старые электроприборы. Там хранилась электробритва, которой я пользовался в последний раз, кажется, еще в студенческие годы. К счастью, она оказалась рабочей. Ножи ее затупились, бриться было больно. Бритва больше не срезала, а с упорением садиста выдергивала щетинки, что доставляло массу неприятных ощущений. Каждую в отдельности можно было оставить незамеченной – подумаешь, легкий укол в щеку. Но их

множество туги сплеталось в косу общей тупой боли. Это раздражало, но приходилось терпеть. Я не мог идти на работу наполовину небритым.

По окончании пытки щеки пылали так, словно по ним надавали горячих оплеух. Боль немного остудил «гель после бритья», который я руками нанес на щеки. Но лицо все равно осталось красным и горело.

113

По пути на работу я поймал себя на мысли о том, что думаю о девушке, звонившей мне утром. Интересно, что заставляет одних людей думать о других? Может быть, дело в интриге? *Тайна волнует разум*. Чужое неизвестное, тем более переплетенное с твоим прошлым, будущим или настоящим, надежно скрытое за легким полупрозрачным занавесом – так куда мучительней и притягательней, чем если бы она притаилась за незыблемой каменной стеной. Кажется, протяни руку и отдерни занавес – что может быть проще? Но каждый раз, когда протягиваешь руку в полной уверенности, что сейчас перед тобой все откроется, занавес, будто повинаясь воле неуловимого дуновения, предательски ускользает из-под твоих вытянутых и алчущих пальцев и, победоносно развеваясь, вновь манит искусом недостигаемой близости.

И хотя кажущаяся близость цели обманчива, она способна вселить даже в самого слабого человека новые великие силы, коих раньше он в себе и не предполагал. Шаг за шагом идет к ней такой человек, не догадываясь о том, что все движение его бессмысленно и бесполезно – он идет к миражу, и чем ближе видится тот глазу, тем меньше сил и шансов остается на то, чтобы его достигнуть.

А жизнь тогда превращается в пустую авантюру без начала и конца.

Я шагал по тротуару, всматривался в лица прохожих и размышлял. О чем они думают, окружающие люди? Или о ком? Наверное, чтобы заставить человека думать о себе, все-таки надо его заинтриговать. Зацепить. *Заставить захотеть приоткрыть свой занавес*. Напустить тумана и сделать все, чтобы человек не остался к тебе равнодушным. Иногда это очень просто, иногда нет. Для одного достаточно того, что ему улыбнулась на улице прохожая, красивая девушка. Он невольно начинает вспоминать и думать о ней. Бывает, даже сходит по ней с ума. А другой пропустит такую улыбку сквозь себя и через мгновение о ней забудет. Его волнуют иные тайны. Какие?... Ну... стоит только его начальнику сказать ему: «Зайдите ко мне после пяти, нам надо побеседовать о вашем будущем», – и он места себе не находит, мучается неразрешимыми догадками: что за будущее его ждет?... Карьера для него важнее внимания девушки. У каждого свое отношение к тайнам, и тайна у каждого своя.

Главное – знать, как зацепить человека.

Звонившая мне девушка знала, как можно задеть меня. Я что-то ей задолжал. По крайней мере, она говорила об этом так, словно была в этом уверена. Вряд ли она шутила. Люди вообще очень серьезны, когда говорят о долгах.

Что и кому я мог задолжать? Липкая мысль тревожила меня. Я отношусь к тому типу людей, что терпеть не могут быть должными или обязанными. К посторонней помощи такие, как я, обращаются лишь в крайнем случае, когда другого выхода просто нет. И стремятся вернуть все как можно скорее. Такие люди не забывают о долгах, ведь чувство долга для них невыносимо, оно ограничивает их свободу, мучит их. Странное это чувство – словно кто-то постоянно стоит у тебя за спиной, с ножом или отпором в руках, терпеливо ждет своего часа, а ты не можешь даже обернуться и прогнать его, потому что у тебя нет на это ни сил, ни права – они же на его стороне. И тебе остается только ждать с несгоняемым страхом, затаившимся где-то в глубине души, когда тяжелая рука ляжет тебе на плечо, и суровый, требовательный голос кредитора спросит за все сполна. Такие люди понимают, что только за расплатой и может наступить свобода. И потому стремятся скорее избавиться от долгов.

Стремление к свободе естественно для человека.

Долг сам напоминает о себе таким людям, как я. Даже во сне. Что же я мог такое задолжать, что сумел об этом забыть?

Преследуемый такими мыслями, я пришел на работу.

112

В начале октября прошлого года я ушел с оборонного завода, где проработал инженером несколько лет. Грех было жаловаться на ту работу. Тихо, спокойно, неплохая зарплата. Но я там засиделся. Чувствовал себя так, словно увяз в топком, гиблом болоте и боялся пошевелиться, чтобы не уйти под ввод с головой. Дернешься, и тебя засосет еще глубже. Еще раз – и вот мутная, зловонная жижа уже у твоего рта. Одно неосторожное движение, и тебя засосет окончательно, утащит на самое дно. Я так и чувствовал отвратительный вкус болотной жижи у себя во рту. Мерзкое ощущение, избавиться от которого не удавалось. Иногда оно становилось особенно сильным. Даже почистив зубы несколько раз подряд, я продолжал ощущать на своем языке жидкую зловонную массу и напрасно пытался убедить себя в том, что болотная жижа существует только в моей голове.

Вот почему однажды мне захотелось что-то изменить в своей жизни. *Других причин не было.* Я пытался что-то изменить, бросив работу.

Нельзя сказать, что я добился того, чего желал. Около месяца просидел дома, отдыхая от ежедневных рабочих обязанностей и наслаждаясь чувством свободы и полноты обладания собственной жизнью. Только тогда пришло осознание того, насколько запрограммирована жизнь современного человека, насколько подвержена она придуманным кем-то условностям и насколько принадлежит тому, что принято называть обществом.

Но свобода – вещь условная. Если ее хотя бы время от времени не ограничивать рамками, она вырастет в безграничную пустоту, в которой человек может раствориться и бесследно исчезнуть, как кусок сахара в стакане теплого чая. Иногда себя надо наполнять, как какой-нибудь старинный бронзовый сосуд, чтобы он зазвучал по-другому, когда снова стукнут по его пузатому боку. И мне стало казаться, что нет ничего лучше для этого, чем общение с другими людьми.

Так я нашел себе другую работу.

Мне с детства нравилось писать. Сначала я записывал свои мысли на бумаге, пытался вести дневник. Затем бросил, посчитав это глупой затеей. Летопись собственной жизни в какой-то миг показалась мне заранее написанным самому себе некрологом. И вместо ведения дневника я начал коллекционировать афоризмы и цитаты великих людей. Чужую мудрость пытался использовать в жизни. Мне казалось, что это прибавляет важности моей персоне в глазах других людей. Прошло несколько лет, прежде чем я понял, что живые мысли мертвых людей не всегда подходят для моей жизни, как не всегда они подходят и для других жизней и судеб.

Позже я начал пописывать короткие рассказы. Писал для себя и никому их не показывал. Считал, что показать – значит, вынести свое внутреннее «я» на всеобщее обозрение. Для меня тогда, в те смутные времена это было равносильно тому, чтобы раздеться догола на чужих глазах. Пусть в небольшом масштабе, при одном-другом человеке, что сути не меняет. Раздеваться было стыдно. Потом прошло – видимо, привычка способна побеждать стыд, надо лишь дать ей время.

Постепенно во мне открылся относительный талант, которого вполне хватило для устройства на работу корреспондентом в местную газету. Штат «районки» был небольшой, «струе свежей крови» в виде меня там были рады. Работа мне нравилась. Она оказалась несложной и позволяла глубже окунуться в жизнь.

Работая там, я чувствовал себя счастливым человеком.

111

Я закрылся в своем кабинете, положил перед собой блокнот и принялся бездумно выводить на его странице шариковой ручкой крохотные рожицы полулюдей-получертиков. Рисунки выходили не забавными, как обычно, а на удивление злыми. Чертики будто злились на меня за то, что я не мог разгадать заданную мне утром загадку.

Что за девушка звонила мне?

Может, речь шла об услуге? Я напрягал память, силясь вспомнить, кто и когда мог оказать мне услугу и теперь, когда я все позабыл, потребовать что-то взамен. Уже несколько лет моя жизнь протекала так вяло, что у меня не было потребности ни в каких услугах. Но даже если предположить такое, почему девушка не сказала об этом прямо, а сыпала туманными фразами? Отчего не потребовала ничего сразу, а лишь предупредила, что время все узнать еще придет?

Когда человек напоминает тебе об услуге, это означает, что он просит о возвращении долга немедленно.

Иначе нет смысла напоминать об этом. Даже банки с их дотошными клерками не пристают с напоминаниями раньше срока. Значит, дело не в услуге. Мучительно пребывать в неведении и не иметь возможности влиять на происходящее. Остается только ждать и зависеть от событий, свершившихся по милости других. Рамки, ограничивающие внутреннюю свободу человека, тогда сужаются до предельных размеров. Даже узник в тюрьме более свободен, если в его жизни нет неясности.

В моей жизни она появилась.

110

Телефон зазвонил после обеда. Я поднял трубку и по обыкновению, как всегда на работе, представился.

– Ну что, доделал свои дела? – буднично, словно мы были приятелями и подобные разговоры являлись для нас самым обыкновенным делом, спросила девушка.

– Да, но теперь у меня появились другие дела.

– Не будь врединой. Дела не возникают просто так. Ты, наверное, нарочно их придумал? Чтобы не разговаривать со мной...

– Вы уверены, что знаете, кому звоните?

– О да, уверена. Я знаю тебя, а ты знаешь меня. Мы с тобой близкие знакомые, давние приятели. Я же тебе говорила...

– Простите, но я вас не узнаю и не хочу с вами разговаривать.

– А я уверена, что хочешь. Брось, нет ничего особенного в том, чтобы просто поболтать. Тебя это ни к чему не обязывает. И ты не обязан раскрывать мне секреты, если они у тебя есть.

– Секреты? Пока секрет есть только у вас – некий долг, как вы сказали. Что же это за долг? По вашему, я вам что-то задолжал, не так ли?

– Ах, вот что тебя беспокоит, – звонко рассмеялась девушка. – Да, задолжал. Но время отдать долг еще не наступило.

– Когда же оно наступит?

– Не волнуйся, ты узнаешь об этом.

– Послушайте, что вам от меня нужно? И откуда вы знаете номера моих телефонов?

– Я все знаю о тебе, – убедительно произнесла она. – А скоро и ты узнаешь обо мне.

И она повесила трубку.

Тем вечером меня ожидала встреча с друзьями. Уже несколько лет мы встречались по пятницам. Ничего особенного не делали. Просто разговаривали в баре за кружкой-другой. К нашим встречам я готовился всю неделю. В какой-то момент (не помню когда) они превратились для меня в пытку. Если выдавался шанс пропустить их, я пропускал. Но такое случалось редко.

Эти обязательные встречи напоминали хорошо отлаженный часовой механизм. Однажды незримый часовщик умелой рукой пустил его в ход. С тех пор все шло строго по кругу.оборот за оборотом, одно и то же. Минимум эмоций. Минимум веры. Минимум надежды.

Одно и то же, от чего можно было сойти с ума.

Ассоциативное мышление, порой, подбрасывало жуткие образы. Я сравнивал свою жизнь с заточением в кольцо полнейшего безразличия окружающего мира к моей частной судьбе. Время от времени в нем появлялись мои друзья. Но это не спасало от тоски и безнадеги, ведь они не приносили мне свободу, а становились такими же узниками, как и я.

Порой, судьба представлялась мне огромным циферблатом, по которому с заведенной неумолимостью отсчитывают неспешное время бездушные стрелки. Отсчитывают отведенное мне время, мое личное, дискретное в безграничности всеобщего времени. Ход стрелок магнитом приковывает взгляд, но он не бесконечен. Когда-нибудь закончится часовой завод, и стрелки, вздрогнув в предсмертной агонии, остановятся и замрут навсегда.

Но лучше об этом не думать. Иначе на каком-нибудь обороте сойдешь с ума.

И все же замкнутый круг существования в моей жизни присутствовал и был он на редкость прочным и идеальным. У каждого из нас хватало ума на то, чтобы это понять. Но ни у кого из нас не доставало смелости и духа, чтобы что-то изменить. Весь город жил так, сонно и равнодушно. Нищета разъедала улицы, ветшающие дома исходили новыми трещинами, дороги безостановочно и угрюмо покрывались выбоинами и ямами. Но всем было наплевать. Ремонт стоил денег. Жизнь стоила денег, а денег в городе не было. За ними ехали в столицу, но не все, а только смельчаки или отчаявшиеся отваживались на подобный шаг. Уж слишком рискованным он был. Только стоило им решиться и уехать, как город тут же утопал в волнах слухов и сплетен. Говорили разное: что кто-то сумел, а кто-то не сумел устроиться, кто-то заработал деньги, а кто-то вернулся в одних носках, потеряв все, кроме жизни.

Удивительно, но люди часто верят пустым, глупым словам. Каким бы серьезным не считало себя человеческое общество, в нем всегда найдется место иллюзиям и вере в чудо. Они обогащают скудную серую реальность, и люди сознательно им поддаются, желая разнообразить рутину и скуку. Однако же случается, что реальность в определенной своей части вдруг уступает место домыслам, вымыслам и фантазиям, из которых, в конце концов, рождается ложь.

Сила лжи – в ее гибкости, способности и маниакальной готовности к размножению.

Какой бы ни была правда, она единична, в отличие от множественности лжи. Ее уже не изменишь, она вечна, как каменная твердь. А ложь мелка и повседневна, как дешевое ожерелье из фальшивого жемчуга. Пока оно стянуто единой нитью, ложь еще можно контролировать. Но стоит сделать одно неловкое движение и порвать стягивающую нить, и тогда вовек не соберешь всех до последнего шариков из фальшивого перламутра, раскатившихся по полу в разные стороны. Один-два наверняка закатятся в такую труднодоступную, узкую и глубокую щель, где их уже никогда не найти и откуда их уже никогда не достать.

Ложь – это оппозиция правде, а недовольных всегда манит оппозиция.

Один из знакомых однажды уверял меня: люди верят лжи потому, что верить правде бывает страшно. Они верят ей скопом, чему виной генетически сохранившийся внутри еще со времен сотворения мира стадный инстинкт, замешанный на инстинкте самосохранения.

Он уверял, что даже самая слабая корова, когда пасется в стаде, надежно защищена рогами и копытами сородичей от острых и голодных волчьих клыков. Вот и с людьми то же самое.

Может, он был прав? Быть вместе – вот что отпугивает страх, вот что страшит врага. Чувство локтя рождает бесстрашие, но если однажды в твоём строю, в твоём стаде кто-нибудь солжет, а другой ему поверит, то ложь, как заразная инфекция, поразит и подчинит себе все и всех без остатка.

Ложь остается ложью до тех пор, пока лжет один. Но когда в унисон лгут двое, лжи начинают верить.

108

Есть люди, к которым прозвища приклеиваются, словно магнетик к дверце холодильника.

У меня никогда не было прозвища. Сколько себя помню, меня всегда и везде звали по имени – Дима, Дмитрий, реже – по фамилии: Милосердов. Это, порой, задевало, особенно в школе. Парадокс, но в детстве твоё имя в чужих устах может прозвучать, как оскорбление, а кличка – как похвала.

Формально имя – не более чем набор звуков, которым тебя наделяют при рождении, чтобы отличать от других.

В этом нет ничего необычного, имена есть у всех. Причем у некоторых они такие же, как у тебя, у твоих тезок. Но ты ещё юн и потому тянешься за остальными, увлекаясь кличками и прозвищами, не понимая, что имя – само по себе ценно, что оно уникально, даже если у тебя есть тезки, что духовным смыслом и весом оно наполняется лишь с течением времени. Иногда на это уходит целая жизнь, а порой, и целой жизни для этого мало.

И тогда человек уходит в небытие таким же, каким пришел в жизнь – безымянным.

Пока ты мальчишка, пока живешь «во дворе», прозвище для тебя – все. Или почти все. Иногда оно и есть истинное звание, отражающее и вмещающее признание твоих достоинств или недостатков. В нем выражена не только вся твоя индивидуальность, но и отношение к тебе твоего окружения. *Прозвище надо заслужить.* Самые лучшие – индивидуальные. Штампы вроде «Очкарик», «Зануда» или «Ботаник» из уст шпаны звучат не лучше, чем клички дворовых собак.

В нашей школе прозвища были у всех разные по своему потаенному смыслу. У кого-то они были обидные, у кого-то героические, суть не в том – главное, что они были у всех, кроме меня. И это меня угнетало. Сейчас то давнее ощущение какой-то несправедливости, недооценки ушло. Напротив, я бы, пожалуй, даже обиделся, прилепи мне коллеги по работе какую-нибудь кличку. Все-таки есть в этом что-то животное.

Но в детстве я думал иначе. В детстве вообще многие вещи видятся под другим углом. Просто удивительно, как сужается или расширяется мир с годами. Бывает, что значительная его часть выпадает из последующей жизни. Есть, в частности, вещи, которые перестаешь замечать и о которых напрочь забываешь. К примеру, вкус незрелых яблок. А есть то, что в детстве сполна не ощутишь, и что приходит с годами. Например, любовь. Хотя, и она приходит не к каждому.

107

Первым к месту сбора явился Серега. Он был педантом, патологически боялся опозданий и на каждую встречу являлся, как минимум на пять минут раньше срока. Казалось, он жил с запасом, но никак не мог опередить время. А если вдруг его ритм сбивался, Серега не выдерживал и срывался. Тогда мы долго не могли его разыскать. Серега пропадал на дни, а то

и недели. Его видели то тут, то там, порой, в компании с довольно темными и сомнительными личностями. Он выпивал, наивно веря, что выпивка могла настроить сбившийся механизм его жизни. Никакая сила не могла его тогда остановить. Он пил до тех пор, пока ритм окружающей жизни не входил в установленное согласие с его внутренним ритмом. Но в ту пятницу он пришел вовремя.

Сергея стоял под фонарным столбом. Я заметил его еще издали. Он стоял в конусе голубоватого в сгущающихся сумерках фонарного света. Вокруг было темно, и он мог спрятаться в темноте. *Он мог в ней раствориться.* Но Сергей стоял в конусе света, где каждый мог его видеть, сам оставаясь для него невидимым. Каждый, кто прятался в окружающей свет темноте.

На улице было душно. Моя рубашка с коротким рукавом промокла от пота. А Сергей был в легкой кожаной куртке. На голове – кожаное «комиссарское» кепи, на ногах – туфли из грубой кожи на толстой подошве. Не иначе, близилось время очередного срыва. Слишком заметно даже с виду было несоответствие ритмов. Рассеянно поглядывая по сторонам, Сергей безразлично курил. Он задумчиво пускал дым через ноздри и оживал только тогда, когда мимо следовал прохожий. Сергей был близорук и носил модные очки. Но даже в них он видел мир плохо.

– Давно ждешь? – спросил я.

Его плечи вздрогнули, прежде чем он обернулся и приветственно кивнул. Он предложил мне сигарету. Я закурил. Разговор не клеился, тек вяло и неинтересно в ожидании остальных. Обычно мы собирались вчетвером.

Третьим пришел Сашка – Длинный, как звали мы его меж собой. Его высокую, слегка сутулую фигуру на несколько секунд выхватила из темноты пара фар обгонявшего автомобиля. Сашка шел почти по центру дороги скорым шагом. Он даже не подумал отступить в сторону, когда его обгонял автомобиль. А на короткий возмущенный возглас клаксона выкрикнул что-то грозное и непристойное. Пожалуй, из всех нас он один мог позволить себе такое. Раньше Сашка не был таким, вызывающая дерзость пришла к нему с годами. Он имел право жаловаться на жизнь, но никогда не жаловался. Он жил и боролся с немым и ожесточенным упрямством, как лосось, плывущий из последних сил против бурного речного течения. Чем удивлял многих. У него имелись враги, его много раз хоронили, объявляли спившимся или сошедшим с ума. Масса злых языков на всех углах обсуждали его несладкую жизнь. Но Длинный терпел и скрывал переживания от других.

Как и многие, он заблуждался, думая, что скрыть от других неистовую, бурлящую в тебе злобу на весь мир попросту нельзя.

Она вырывалась из него помимо его воли туго свернутыми клубками ненависти, которые начинали разматываться, едва оказавшись вне его тела. Но с ним мы об этом никогда не говорили.

Последним появился Ваня. Он подлетел к столбу совершенно незаметно. Будто на пустом месте материализовался из темноты. Вечернюю тишину улицы разорвал его бойкий приветственный оклик. В следующий миг он уже счастливо пожимал нам по очереди протянутые руки. Безмятежная улыбка не сходила с его лица, обнажая неровные, некрасивые желтоватые зубы. Удивительно, но эта улыбка не портила, а наоборот, придавала привлекательности его в целом невыразительной внешности. Люди звали его Цыганом – Ваня любил похвастать тем, что в его роду были цыгане. Некоторые верили, ведь он был бойким и чернявым.

Мы перешли через дорогу и вошли в бар, носивший «речное» название «Десна». Стоявшая за прилавком продавщица с милым именем Алена – для меня не более чем милым, – дружески подмигнула нам. Затем кивнула, безмолвно говоря, что наш обычный столик свобо-

ден. Ее глаза привычно улыбались, но в них не хватало жизненного света. Проходя мимо, я никак не мог отвести взгляда от тоскливой пустоты ее глаз. И снова воображение нарисовало передо мной огромный циферблат, по которому с душераздирающим скрежетом невероятно медленно движутся гнутые и проржавевшие стрелки.

Собственно, баром «Десну» было трудно назвать. Раньше на его месте работал ничем не примечательный продуктовый магазин. Потом из его подсобки изобретательные владельцы сделали нечто, вроде средней руки пивнушки. В небольшом зале места хватило лишь на пять круглых металлических столиков. Вокруг них стояло по четыре металлических стула. Посетители не раздевались, сидели прямо в одежде.

В углу, совсем не к месту, в деревянной кадке чахла от вечного табачного дыма и спиртного перегара ветвистая декоративная роза. Листья растения, которое должно было украшать интерьер, пожелтели и безжизненно свисали вниз. В кадке на земле вокруг ствола розы белели десятки смятых окурков-«бычков».

Огромное, во всю стену окно когда-то служило витриной. Теперь оно было завешено полупрозрачной шторой. В темное время суток с улицы можно было разглядеть то, что творится внутри заведения.

Время было позднее.

Кроме нас, в зале находилось еще несколько человек. Двое мужичков лет пятидесяти, по виду – заводских рабочих, сосредоточенно грызли за соседним столиком воблу. Рыбы ошметки валялись по всему столу, на котором также стояли шесть пустых пивных бутылок, два наполовину опустошенных бокала и два одноразовых пластиковых стаканчика мутновато-белого цвета. Водки на столе не было, но на спинке стула одного из мужиков висел потерянный пакет. Наверняка бутылка с самогоном пряталась там от взора Алены. Таким, как эти работяги, водка стала не по карману.

За столиком у противоположной от нас стены с хмурым видом сидела ярко покрашенная блондинка. Она уныло потягивала джин-тоник из алюминиевой баночки. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Девушка глядела на мир так, словно за ней тянулся шлейф, сотканный из долгих лет скитаний. Она с потаенной надеждой уставилась на нас, когда мы вошли, и завздохала. Баночка джин-тоники наверняка была куплена на последние деньги.

Вскоре Алена принесла привычный заказ: по бокалу пива и пакету сухариков. Застыла в ожидании указаний. Цыган заулыбался и о чем-то с ней заговорил. Серега машинально пальцем поправил сползшие на кончик носа очки и схватился за бокал с пивом. Сашка крепкими зубами открывал тугие шуршащие пакеты с сухариками. Новая волна немощного отвращения к себе и своему замкнутому кругу захлестнула меня.

Я не выдержал и заказал бутылку водки, пару свежих огурцов и коляску сырокопченой колбасы, несколько кусочков черного хлеба и плавленый сырок. Алена удивленно выгнула бровь, но ушла выполнять заказ. Выпив, мы разговорились. Каждый делился прожитым за неделю. Длинный рассказывал о службе. Он служил вольнонаемным, охранял военную базу, склады с боеприпасами. После службы в армии он перепробовал несколько профессий, но лучше этой работы не нашел.

Цыган без умолку болтал о подрастающем трехмесячном сынишке и заранее приглашал нас на его очередной день рождения, которые отмечал каждый месяц. Серега переживал по поводу своих отношений с очередной любимой женщиной. Я же почти все время молчал, наблюдал за друзьями и вполуха слушал, о чем они говорят. Иногда брал наполненный стаканчик, выслушивал тост и машинально опрокидывал в себя казавшуюся безвкусной водку. Вскоре бокалы опустели. Из табачного дыма выросла Алена и ловко заменила их наполненными. Парни засобирались на улицу, покурить.

– Я не пойду...

Они не возражали. Друзья вышли на свежий воздух, оставив меня одного.

Множество мыслей полезло в голову.

– Не помешаю?

Я недовольно обернулся. Возле моего стула стояла девица из-за соседнего столика. На ее губах играла фальшивая, вымученная и до омерзения неестественная улыбка. В руках она сжимала все ту же несчастную банку с джином-тонином. Я снова отметил темные круги под ее глазами, неряшливо, словно наспех замазанные толстым слоем тонального крема.

– Можно присесть?

– Пожалуйста, – равнодушно кивнул я.

Девица уселась на стул Длинного. Закинула ногу на ногу и сунула в рот торчавшую из баночки соломинку. Она была в мини-юбке и вела себя довольно раскованно. Без колготок, в «естестве» ее ноги показались мне некрасивыми. Взгляд невольно задержался на болезненных сине-красных паутинках вспухших прожилков, опутавших ее ноги чуть ниже коленей. Наверное, варикозное расширение вен, начальная стадия. Болезнь, о которой она, возможно, еще даже не подозревает.

Единственная ли из ее болезней?

Девица улыбнулась:

– Выпьем? Угостишь меня? Я водку пью.

– Боюсь, что нет, не угощу.

Она капризно сложила губы.

– Почему? Я люблю водку.

Я посмотрел на нее и ничего не ответил. Девица начинала меня раздражать.

– Вчера ты был гораздо сговорчивее!

– Что?.. – вздрогнул я.

Девица через трубку втянула из баночки и повторила:

– Вчера в кабаке ты был совсем другим. Вот я и повелась на тебя. И ты был не против. Если бы тебя не утатила с собой та брюнетка, у нас могло бы кое-что срастись...

– Не понимаю, о чем вы говорите.

Она выкатила на меня возмущенные глаза, порозовела и вдруг прыснула от смеха. Я молча следил за ней, теряя терпение и жалея, что разрешил ей присесть за наш столик.

– Нет, вы только посмотрите: он не понимает! – наигранно воскликнула она.

Мужики на миг оторвались от поглощения воблы и недовольно покосились в нашу сторону.

– Вчера понимал, а сегодня нет? Круто! Ну ты и козел! Ты же вчера сам снимал меня в кабаке. Забыл, что ли? Только не надо говорить, что был пьян. Все вы так потом говорите. Сначала охмурите бедную девушку, а потом с глаз долой. Нет, милый, так не пойдет.

– Но я действительно не понимаю, что вы имеете в виду. Не был я вчера ни в каком кабаке. Я вообще туда не хожу. Там собираются не самые приятные люди...

– Я тоже, что ли, не самая приятная? – обиженно скривила губы девица. – А вчера совсем по-другому пел. Эх, если бы не та шалава...

Разговор начинал терять смысл и ничего, кроме раздражения, принести не мог. От дальнейшей необходимости выслушивать ее необъяснимый бред меня спасли вернувшиеся с улицы друзья.

– Тебе что здесь надо? – грубо спросил у нее Сашка и рванул спинку стула, на котором она сидела. – А ну, вали отсюда!

Девушка метнула в мою сторону растерянный взгляд. Она ждала поддержки. Поскольку я не изъявил ни малейшего желания прийти к ней на помощь, вздохнула и неохотно поднялась. Поправив на плече ремешок сумочки, обиженно произнесла, обращаясь к Длинному:

– Меня, между прочим, мой друг пригласил.

Сашка вопросительно уставился на меня, удивленно изогнув бровь. Я отрицательно покачал головой.

– Я ей не друг, и я ее не приглашал. Она сама подошла и напросилась за стол. Просила водки.

– Как это сама? – неожиданно взвилась девушка. – И вчера, значит, сама, и сегодня?!

– Ты ее знаешь? – еще раз уточнил Сашка.

– В первый раз вижу, – искренне признался я.

– И в последний, – Длинный схватил ее за плечи, развернул лицом к соседнему столику и слегка подтолкнул в спину.

– Как это не знаешь? Я же тебя знаю, – обиженно заныла девушка. – Тебя зовут Артем. Ты сам вчера мне говорил.

– Его зовут не Артем, – ответил ей Сашка. – А с такими, как ты, он и разговаривать не станет, ясно? Убирайся отсюда, дуй в свой мир шалав и неудачников.

Девушка сдалась, рухнула на свой стул и обиженно сунула в рот соломинку, демонстративно отвернувшись от нас к окну. На этом инцидент исчерпал себя, оставив в душе легкий неприятный осадок. Мы вернулись к пустой беседе, но настроение испортилось окончательно.

104

В детстве я был чувствительным ребенком, эмоциональным. Но никто вокруг этого не замечал и не понимал. Меня считали капризным. Мое беспокойство по тому или иному поводу взрослыми воспринималось как вызов. Нередко меня наказывали, хотя бывало, что причины наказания толком объяснить никто не мог. Возможно, поэтому мне никто ничего толком и не объяснял. Должно быть, взрослые просто хотели продемонстрировать свою силу и превосходство, рассчитывая на то, что я чему-то научусь и не zapomню, как проходил урок. Прямо-таки армейский принцип – все средства хороши, чтобы вбить тебе в голову науку.

Трудно забыть несправедливую обиду.

Единственный урок, который я отлично усвоил для себя с тех пор – если не хочешь, чтобы сильные тебя наказали, скрывай от них истинные мысли и чувства. По крайней мере, если это не вступает в противоречия с твоим внутренним эго. Скрывай до тех пор, пока более сильные не начнут думать так, как думаешь ты. И поступай по ситуации.

Тогда тебя могут оставить в покое. И, может быть, даже подарят право на собственное мнение. Самая простая формула выживания: согласие есть гарантия твоего покоя, а несогласие рождает конфликты. Конфликт же, как минимум для одного – в чем-то более слабого, – обычно влечет за собой наказание. Увы, чаще всего бывает, что по каким-то неписанным космическим законам сила, в отличие от справедливости оказывается не на твоей стороне.

Впрочем, есть у человека такая особенность: он может принять и счесть справедливым наказание за проступок, который совершил, может простить наказание за проступок, которого не совершал, но никогда не примет и не простит наказание за инакомыслие. Это все равно, что назначить ни в чем не повинному человеку за убийство, которого он не совершал, пожизненное заключение. Его осудят, и он годами будет мерить шагами четыре квадратных метра своей камеры-одиночки. С тоской будет смотреть сквозь зарешеченное оконце под потолком на далекое свободное небо. И страдать от собственного знания: он ни в чем не виноват, он был прав, а не правы были те, кто его сюда поместил.

Но изменить он ничего не сможет, ведь сила – не на его стороне.

У ребенка в этом отношении практически нет шансов на спасение. Он – узник семейных догм и традиций с рождения, вынужденный подчиняться силе и воле взрослых. Трудно учиться, когда никто ничего не объясняет, и до всего приходится доходить своим умом.

В детстве жизнь порой не оставляет иного выбора, чем собственный опыт.

Чтобы понять, что такое высота, ребенок должен упасть. Чтобы понять, что такое электричество, он должен сунуть пальцы в розетку. Чтобы понять, что такое точка зрения, он должен вырасти и научиться мыслить. Самая трудная задачка. Ребенок не может пощупать мысль руками. Поэтому наказание за вольнодумие и инакомыслие лишь утвердит его в том, что он был прав, даже если он ошибался. Для ребенка нет ничего страшнее такого наказания. Оно необъяснимо. Вот почему я предпочитал молчать, скрывая свои думы от других.

Я свято следовал этому правилу до тех пор, пока смутные и размытые чувства не превратились в четко очерченные предчувствия, скрывать которые было невозможно. Они рвались на свободу сами собой. И не было сил, которые могли бы их сдержать.

103

Годам к шести я обнаружил у себя способность предсказывать чужую беду.

Впервые это случилось со мной на детской площадке. Мне тогда было почти шесть лет. Я мало что помню из того возраста, но эпизод с детской площадки навсегда врезался в мою память. Я помню все очень отчетливо. Вплоть до того, что на стойках качелей облупилась зеленая краска. На скамейке рядом с ними читала книгу старушка в малиновом берете. Она казалась мне бесконечно древней и дряхлой.

Моя собственная бабушка, которая и привела меня на площадку, неподалеку судачила о чем-то со своей случайно встреченной знакомой.

Стояла поздняя осень, было прохладно. Неприятный, влажный ветерок гулял по площадке. Я сидел на качелях, крепко сжимая руками холодную сталь цепей, которыми они крепились к остову, и ждал бабушку. Мне не позволяли раскачиваться самостоятельно. В то время мне ничего не позволяли делать без присмотра.

На качелях, расположенных на другой стороне площадки, прямо напротив меня сидела прелестная белокурая девочка примерно моего возраста. Она находилась далеко от меня, но я все же хорошо видел ее милое личико. Девочка приходила на площадку со своей бабушкой. Той, что читала книгу на скамейке. Всегда в одно и то же время. Как раз тогда, когда туда приводили меня. Той осенью кроме нас на площадку почти никто не ходил. Многие мои сверстники, достигшие шестилетнего возраста к сентябрю, уже учились в школе. Я был рожден в январе. Родители не решились отдать меня в школу в возрасте пяти с половиной лет. Тот год я провел дома.

Девочка слегка раскачивалась. Казалось, она тоже не сводила с меня глаз. Я не знал, кто она такая и как ее зовут. За все время мы ни разу не обмолвились и словом. Просто присматривались друг к другу издали. Как собаки, которых во время прогулки никогда не спускают с поводка. Порой, меня переполняло желание подойти к ней и познакомиться. Было интересно узнать, кто она такая и как живет. Мне не доставало общения со сверстниками.

А она казалась очень милой девочкой.

В то время я еще не знал смущения, свойственного юношам при общении с девушками, но познакомиться с девочкой мне не позволяла бабушка. Она постоянно твердила, что знакомства надо заводить осторожно и избирательно.

– И только с теми девочками, которых ты знаешь, – строго добавила она, смерив недовольным взглядом милую девочку.

– Но как же я их узнаю, если сначала не познакомлюсь с ними? И какой смысл в том, чтобы знакомиться со знакомыми девочками? – недоуменно спросил я и в ответ получил невразумительное бабушкино ворчание.

Незаметно я начал раскачиваться. Казалось даже, что качели раскачиваются сами собой, помимо моей воли и без моего участия. Потом я заметил, что мои качели раскачиваются в такт качелям девочки. Она раскачивалась с легкой улыбкой на устах, не сводила с меня взгляда и бросала мне немой вызов. Я отчетливо чувствовал его.

Девочка раскачивалась все сильнее. Вместе с ее качелями так же стремительно раскачивались и мои, словно они были связаны друг с другом невидимой нитью. Я крепко держался за цепи. Мне стало жарко, а потом вдруг родилось предчувствие. Я ощутил тревогу, но сперва, по ошибке, принял ее за собственный страх. Уж слишком сильно я раскачивался. Бабушка по-прежнему ничего не замечала. Земля, песочница, горка, верхушки деревьев, небо – все по очереди мелькало у меня перед глазами.

Потом страх ушел, а предчувствие осталось. Я откуда-то знал, что спустя некоторое время где-то поблизости с кем-то, кого я знаю, должно произойти нечто очень плохое. И снова страх мерзкой липкой волной с головой накрыл меня. Я испугался так сильно, что закричал:

– Бабушка! Бабушка!

Бабушка услышала мой зов. Она обернулась и отчаянно всплеснула руками, увидев, что я раскачиваюсь без нее. Бабушка тут же забыла о своей знакомой, бросилась ко мне и с трудом остановила мои качели. Она хотела отругать меня, но едва ее взгляд скользнул по моему лицу, как губы ее дрогнули и на них застыли готовые сорваться слова. Она заметно побледнела.

А я рвался с качелей на землю и кричал не своим голосом:

– Бабушка, миленькая, скорее, сейчас с этой девочкой случится что-то очень плохое! Бабушка, миленькая, помоги!

Слова вырывались помимо моей воли. И тогда я понял, что боюсь не за себя, а за девочку. Бабушка растерянно обернулась.

– Ну что ты, внучек, что может случиться...

Ее прервал пронзительный высокий крик, перешедший в визг, от которого внутри меня все похолодело. Иногда мне кажется, что я до сих пор слышу его по ночам, во сне. Я не видел, что происходит. Бабушка загораживала обзор. Когда я попытался выглянуть из-за ее спины, она резко повернулась ко мне и крепко схватила меня за плечи.

– Не надо туда смотреть, не смотри туда, – торопливо пробормотала она, глядя на меня стеклянными, серьезными глазами.

– Почему? С девочкой что-то случилось? Что-то очень плохое?

Бабушка не ответила. Она развернула меня и, подталкивая перед собой, увела прочь с площадки.

102

Ту девочку я снова увидел через два дня. Оказалось, что она жила в соседнем доме. Ее похоронили в маленьком гробике, который до смешного казался игрушечным. Его поставили перед подъездом на двух вынесенных из дома табуретах, чтобы каждый мог подойти к ней и попрощаться. Тогда я не понимал всей глубины смысла происходящего.

Церемонии, даже траурные, порой похожи на игры, и мне все происходящее в тот день тоже казалось игрой.

Я подошел к игрушечному гробику. Я был один, без бабушки, которая, впрочем, тоже наверняка стояла где-то в толпе. Меня выпустили погулять одного, и что-то привело меня сюда. Я подошел к гробику, держа в руках игрушечный автомат, с которым собирался поиграть во дворе. Меня не прогоняли, и это придавало храбрости. Табуретки были высокими. Пришлось

приподняться на цыпочках, чтобы заглянуть в гробик. Девочка лежала там – чистая, одетая в белоснежное платье и укрытая белоснежным саваном. На голове ее был повязан ослепительно белый платок, под которым притаились прибранные волосы. Внезапно меня охватило неодолимое желание заглянуть под платок и убедиться в том, что и волосы девочки тоже ослепительно белые. Я был в этом уверен.

Передо мной покоился настоящий ангел.

Девочка лежала с закрытыми глазами. Меня поразило ее спокойное, фарфоровое личико. Хотя на витрину выставляй, до того оно было изящно и совершенно. Плотно сжатые бирюзовые губы казались такими серьезными, что я в какой-то момент едва не рассмеялся. Настолько нереальным и забавным казалось мне происходящее. И только когда за моей спиной раздался надсадный плач мамы той девочки, я осознал, что вижу ее в последний раз.

Я не мог ухватить грань понимания: девочки уже нет, и в то же время она еще лежит передо мной.

На меня навалилась нестерпимая грусть. Пытаясь стряхнуть ее с себя, я отошел от гробика и затерялся в толпе. Такова была моя первая встреча со смертью. Лишь много лет спустя мне удалось узнать, что нелепо погибшую девочку звали Маша. Она сломала себе шею, сорвавшись с качелей. С тех пор всякий раз, когда тревожное предчувствие вновь посещает меня, перед моим мысленным взором неизменно встает фарфоровое личико девочки, смиренно покоящейся в игрушечном гробике.

Уж очень милой она была.

101

Иногда мне кажется, что Маша была предназначена мне судьбой. В такие минуты я думаю только о ней. В такие минуты нельзя думать о чем-то еще. Хорошо, если под рукой оказывается бутылочка пива. Если нет, сойдет и сигарета, хотя курить я не люблю и стараюсь избавиться от этой вредной привычки. Думаю о том, как могла бы сложиться жизнь, моя и Маши, не сорвись она тогда с качелей. Девочка выросла бы, вырос бы и я... Кем бы она стала? Какие интересы двигали бы ею по жизни? Какие цели она ставила бы перед собой? Какие мужчины нравились бы ей?

Какою бы она стала?

Несомненно, она выросла бы настоящей красавицей. В этом я ни капельки не сомневаюсь. Более того, чем больше проходило времени, чем взрослее я становился и чем больше узнавал девушек, тем чаще мне казалось, что Маша была бы лучше и красивее всех, кого я знаю. Постепенно предположения переросли в убежденность.

Нет сильнее веры, чем вера, возвращенная иллюзиями, которые невозможно разрушить.

К двадцати пяти годам я был твердо убежден в том, что в далеком и безвозвратном детстве потерял самую верную, самую красивую и самую лучшую девочку на свете. И в этом отношении реальная жизнь потеряла для меня всякий смысл. Девушки стали на одно лицо. Я не видел в них различий, да и не хотел их замечать. Моя девочка умерла. Вот и все, что я знал. Остальное неважно. Поэтому не было никакой разницы: с блондинкой или брюнеткой завязывал я знакомство, увлекалась ли она музыкой или мечтала о карьере следователя. Это были не мои девушки. Это был просто способ уйти от действительности и от накопившихся проблем.

Отмахнуться от проблемы всегда легче, чем ее решить.

Редко, но у меня возникала мысль о том, что все могло бы сложиться вовсе не так, как я себе представлял. А что, если бы Маша выросла и не обратила на меня внимания? Взять хотя бы ее имя. Ведь мы с ней даже не были знакомы. О том, что ее зовут Маша, я узнал много позже, совершенно случайно. А она так и ушла, не узнав моего имени. Так с чего я взял, что у нас с ней могло бы что-то получиться, что мы полюбили бы друг друга и стали бы самой

счастливой парой на свете? Хорошо, если в такую минуту под рукой оказывается стопочка водки. Сигарета тут не поможет.

Я гнал подобные мысли прочь. Не хотел даже думать об этом. Но отогнанные мысли всегда возвращались.

Порой, бывает больно, почти физически больно думать о том, что невозможно изменить. Удобно думать лишь о том, о чем хочешь думать, и думать так, как хочешь думать. Без вариантов. Впрочем, иногда отсутствие альтернативы идет только на пользу.

100

Бывает, я закрываю глаза и мысленно переносусь на двадцать лет назад, до тех пор, пока не оказываюсь на детской площадке. Я смотрю на нее со стороны, и отчетливо, будто наяву вижу себя и ту девочку. Вот мы сидим друг напротив друга на качелях и начинаем раскачиваться. Я много раз пытался поймать тот момент – кто из нас первым стронул с места качели? В нем-то и чудился корень беды.

Но мне до сих пор не удалось его узреть.

Интересно, как Всевышнему удастся уследить за всеми человеческими судьбами? Их миллиарды, а я так и не смог вспомнить, кто из нас двоих первым начал раскачиваться и увлек за собой другого. Пустяк, казалось бы, пустячок, но он оборвал одну жизнь и надломил одну судьбу... Мысленно, в своих воспоминаниях я вижу или только себя, или только ту девочку. Со стороны она кажется невероятно счастливой.

Как жаль, что за ней не уследил Всевышний...

Качели набирают ход, амплитуда их движения стремительно нарастает. Еще одно усилие ногами, толчок, и вот они уже выше переладины. Еще усилие, и они встают вертикально и едва не совершают опасный переворот. Девочка замирает от восторга. Радостный визг рвется из ее души. Что чувствовала она в тот момент? Догадывалась ли о том, что в этом счастливом и бесконечно радостном мире ей осталось жить всего несколько секунд? Что вообще знала она о мире?

Что почувствовала, когда сорвалась с качелей?

Сильнейший удар о землю убил ее мгновенно, я твердо в этом убежден. Счастье и смерть разделили какие-то доли секунды. Но их тоже еще надо было прожить. Страшные, очевидно, были эти неуловимые мгновения.

99

В двадцать шесть лет я понял, что Маша не умерла. Она по-прежнему жила – во мне. Ее светлая, хрустальная душа словно переселилась в мою душу, впитавшись сквозь поры моей кожи в те мгновения, когда я стоял с игрушечным автоматом у ее гробика. Она навечно поселилась во мне. Я это понял в тот момент, когда разгоряченные спиртным гости дружно скандировали: «Горько!».

Я стоял за хорошо накрытым столом. На мне был отличный безупречно сидевший, по фигуре, черный костюм с выглядывавшим из нагрудного кармана накрахмаленным уголком белоснежного носового платка. Рядом стояла девушка в красивом свадебном платье. Она холодно улыбалась, ожидая, когда я ее поцелую. Так, словно ее не касалось то, что происходило вокруг.

Девушку звали Катя. Она была красива, но, конечно, не так, как девочка по имени Маша. В тот день, когда Катя стала моей женой, между нами тревожно порхал белоснежный ангел.

Похоже, ангела видел только я.

Я до сих пор не могу поверить, что мы дошли с Катей до загса. Мы познакомились с ней на случайной вечеринке у общих знакомых. Она была не одна, а с кавалером, что не помешало нам перекинуться парой фраз. Ничего обязывающего, обычные слова, из тех, что не запоминаются. Я даже не был уверен в том, что она запомнила мое имя.

Два месяца спустя мы случайно столкнулись в парке. Я шел с работы домой, срезая расстояние. Она сидела на скамейке. В руке Катя сжимала носовой платок с кружевными оборками по краям, которым промокала глаза. Она плакала, я остановился. Трудно пройти мимо плачущего человека.

Чужое страдание привлекает.

– Привет, – сказал я. – Что с тобой? Ты плачешь?

Катя подняла свои огромные, заплаканные и слегка покрасневшие от слез глаза и с недоумением взглянула на меня. Похоже, она не сразу вспомнила, кто я такой, и не поняла, что мне надо. Она нахмурила прелестный лобик, на котором тонкими волнами вздыбились показавшиеся мне милыми морщинки.

– Можно присесть? – спросил я.

– Пожалуйста, место не куплено, – чуть вызывающе ответила она.

Я присел. Несколько минут мы хранили молчание. Я ни о чем ее не спрашивал, она приводила себя в порядок. Отвернувшись, Катя смотрелась в зеркальце. Порой, я ухватывал часть его краем глаза. Мне казалось, что девушка разглядывает в зеркальце меня.

– Погуляем? – попросила она, повернувшись ко мне.

Я кивнул и в тот же вечер сделал ей предложение. Мы долго бродили по улицам, без всякого смысла. Просто разговаривали. Она рассказала о своем ухажере, который ее обманул. Он одновременно встречался с двумя подругами. Одной из них была Катя. Потом выяснилось, что и у Кати был второй друг, но в этом ничего предосудительного она не видела.

– У каждой девушки должен быть выбор, – отрезала она, наткнувшись на мой недоуменный взгляд.

И тут вдруг я, повинувшись мимолетному, но мощному и необъяснимому чувству, порывисто признался ей в любви. В тот вечер Катя, конечно, не сделала свой выбор. Прошел еще почти год, прежде чем она ответила согласием на мое предложение. Позже я не раз спрашивал у нее, почему она согласилась выйти за меня замуж. Она неизменно отвечала, что я – единственный, кто отнесся к ней по-человечески.

– Ты – порядочный, – рассмеявшись, заявила как-то она.

– Разве это достаточно веская причина для того, чтобы выйти замуж и навек связать с кем-то свою судьбу?

– Для меня – да. В таком случае скажи, а почему ты сделал мне предложение?

– Потому что я люблю тебя...

98

Той ночью я долго не мог заснуть и все думал о нас с Катей. Мне думалось, что я не был до конца откровенен с женой. А к рассвету понял, что никогда не был откровенен и с самим собой. Люди часто от слабости обманывают себя, пытаясь уйти от собственной глупости и жестокости или оправдать их. Конечно, о порядочности тут не может быть и речи. Порядочность, искренность и откровенность – родные сестры.

Если ты не можешь быть откровенен с самим собой, как можешь быть откровенен с другими?

Любил ли я Катю или обманывал себя, считая, что люблю ее? Думаю, для нее это было не важно. У нее сложился собственный взгляд на жизнь. Два года у меня ушло на то, чтобы понять, что брак для нее сродни покупке в кредит дорогого товара. Берет, потому что берут

другие, потому что это престижно, да еще и выгодно, со скидкой. Потому что такое уже есть у ее подруг, и расплачиваться надо постепенно, частями, а не сразу. Потому что дается определенная гарантия. А если товар не понравится, испортится или устареет, его всегда можно заменить. То есть заменить можно меня, – догадался я.

Страшное открытие для любого человека.

97

Почему же я все-таки сделал ей предложение? Мучимый этим вопросом, я уснул.

Мне приснился ангел.

– Иди ко мне, – звонко звал меня он (она?), протягивая ко мне нежные руки.

Я открыл глаза и увидел перед собой Катю. За окном едва занимался рассвет – еще было темно, но она не спала. Жена сидела на своей половине кровати, опираясь на одну руку, и пристально смотрела на меня.

– Нет, ты меня не любишь, – внезапно прошептала она и горестно покачала головой.

Я устало закрыл глаза и увидел перед собой милое личико ангела Маши.

96

Домой из «Десны» я вернулся абсолютно трезвым. Мысль об этом пришла неожиданно, развеселила и одновременно напугала меня. Я выпил с друзьями бутылку водки и порядком захмелел. Но хмель улетучился на пороге дома. Трезвость была абсолютной. Такой, словно я, проснувшись поутру где-то в деревне, вышел на крыльцо и полной грудью вдохнул свежий морозный воздух. В голове стояла такая звенящая ясность, что я, не разуваясь, сразу прошел в ванную и уставился на себя в зеркало в надежде увидеть там что-то, что прояснит мои мысли.

Ничего особенного я не увидел. То же продолговатое, узкоскулое лицо с впадинами вместо щек, высокий лоб и аккуратно зачесанные набок волосы. Лишь на макушке опять выбился небольшой хохолок. Он отравлял мне жизнь, сколько себя помню. С первого класса я старательно приглаживал его расческой, смачивал теплым сладким чаем, позже – гелем для укладки волос, а он все равно распрямлялся, словно заводная пружина испорченных механических часов. И всегда делал это в самый неподходящий момент.

Меня поразили только мои глаза. Они были абсолютно трезвыми и чужими. Я смотрел на свое отражение. Во мне росло ощущение, что я смотрю в глаза другого человека, который влез в мое тело, словно в одежду, в какой-нибудь комбинезон или пижаму, и теперь неотрывно смотрел на меня.

Чужой взгляд так и вшивался в мои глаза.

Входил медленно, по спирали, словно бур в шахтовый шурф. Точно ощупывал миллиметр за миллиметром, проверяя его на прочность.

Я стоял перед зеркалом и боялся пошевелиться. Страх неожиданно сковал меня. Ноги затекли и онемели, я не мог отойти или повернуться. Мне казалось, что сделай я это, отражение в зеркале останется стоять неподвижно. Оно больше не повинуется мне. Живет своей особенной зазеркальной жизнью.

И знает об этом куда больше меня.

Чем дольше вглядывался я в свои глаза, тем страшнее мне становилось, тем более чужими виделись они мне. Глаза были мертвыми и бездушными. Они внимательно следили за мной. Страх усиливался. И тут я понял, почему. Я был в квартире не один! Кто-то еще находился здесь, в моем доме, в моей крепости. Я это знал так же точно, как и то, что меня зовут Дмитрий Милосердов.

Многие люди чувствуют, когда на них смотрят. Даже если не видят этого, все равно «спиной», «шкурой», «затылком» ощущают на себе чужой взгляд. Для этого не надо обладать сверхъестественными способностями или шестым чувством. Просто когда кто-то смотрит со стороны, даже из укрытия, у многих срабатывает нечто, вроде сигнализации, живой сигнальной системы. Посмотрели на тебя просто так, мельком, ты и внимания не обратишь, сигнализация не сработает, потому что не почувствует никакой опасности. Но стоит кому-то подольше задержать на тебе взгляд, да еще и не просто так, а с умыслом, как в голове начинают заливаться тревожным перезвоном сигнальные звоночки.

Хотя так бывает не у всех.

Но здесь, со мной, это произошло, *это было*. Я чувствовал «шкурой», что кроме меня в квартире находится кто-то еще. Я стоял в ванной, судорожно вцепившись руками в край раковины, и продолжал, не моргая, смотреть на свое отражение. Краем глаза уловил, как капелька пота, появившись в районе виска, медленно поползла по щеке, оставляя за собой влажный след. Страх все больше заполнял пространство вокруг меня. Казалось, он был таким густым, что постепенно вытеснял воздух. Еще несколько минут, и в ванной совсем не останется воздуха.

Как же я буду дышать?

Кто-то чужой находился в моей квартире. Я чувствовал это каждой порой своей кожи. Что-то *иное* вторглось в мои владения. И теперь сидело тихо-тихо, притаившись во тьме. Где оно? Спрятаться в моей квартире было непросто. Обыкновенная двухкомнатная «хрущевка» с минимумом мебели. Особо не спрячешься. И все же что-то чужеродное притаилось где-то там, за пределами ванной.

Воздух становился тяжелее и гуще. Он словно выстраивался вокруг меня тяжелыми свинцовыми пластами темных облаков, которые приплывали из коридора. Что-то гнало их оттуда ко мне. Оно хотело, чтобы я задохнулся. Я закашлялся. Дышать становилось все труднее. Горло перехватило, точно сжало сильной рукой. Перед глазами завертелся стремительный, яркий калейдоскоп. Еще мгновение – и я отключусь, перестану жить! Все восставало во мне против этого, но я ничего не мог поделать. То, что проникло в мою квартиру, было сильнее меня, моей воли и желаний. Оно душило меня.

Оно было сильнее, потому что притаилось во мраке.

И тут раздался телефонный звонок. Это был особенный, совершенно не похожий ни на какие другие звонки звонок. Он словно вырвался из заточения, в котором его держали миллионы лет. Казалось, вся сила ненависти, жажды мести и веры в справедливость, которые копились в нем долгое время, теперь вырвалась наружу и изливала свою мощь в взбесившемся звонке.

Мне тут же стало лучше. Страх мгновенно ушел, как если бы его смыло холодным душем. Даже мурашки побежали по телу вслед за длинными ледяными струйками воображаемой душевой воды. Страх уходил прочь, просачиваясь сквозь пол. Мне чудилось, что я слышу противное хлюпающее чавканье, с которым он впитывается в пол подо мной.

Звонок не умолкал. Телефон трезвонил, как бешеный. Будто звонивший мне точно знал, что я дома. Да и где мне еще быть, в полтретьего ночи? Полтретьего ночи...

Кто мог звонить в такое время?

Я оторвался от раковины и взглянул на свое отражение. Оно снова было моим. Даже глаза теперь снова принадлежали мне и смотрели на меня так, словно ничего не произошло. Только тонкая темная, почти черная струйка крови, сочившаяся из левой ноздри, свидетельствовала о том, что все происходило в реальности.

Налившись и потемнев, кровь тяжелой каплей добралась до верхней губы и сорвалась вниз, разбившись о белоснежный фаянс раковины. Я вытер с лица остатки крови тыльной

стороной ладони, вышел из ванной и, пошатываясь, добрел до телефона. Свет не включал, но идти было не страшно. Нечто, чем бы оно ни было, уже покинуло мою квартиру.

Я это чувствовал так же ясно, как минутой раньше ощущал его присутствие.

94

Телефон надрывался. Я присел рядом на стул и посмотрел на слегка подпрыгивающий аппарат, раздумывая, ответить или нет. Потом медленно протянул руку и поднял трубку, ожидая услышать голос звонившей утром девушки. Но звонила жена.

– Милый, ты что, спишь?!

Голос у Кати был более звонким, чем обычно. *Возбужденный*. За ним мягким ковром стелилась знакомая классическая мелодия. Я узнал ее, но не смог вспомнить, кому принадлежит право называться ее автором. Эта мысль почему-то задела меня, и я принялся лихорадочно вспоминать имя композитора, написавшего вертевшуюся на слуху музыку. Голос жены отошел на задний план.

– Милый, ты где?! Аллеуу?! Слышишь меня? Это я, твоя верная жена, ха-ха-хи-хи...

Катя была сильна пьяна. За три года нашей совместной жизни я ни разу не видел, чтобы она напивалась до такой степени. Катя вообще плохо переносила алкоголь. Косилась на меня даже тогда, когда я позволял себе выпить дома пару бутылочек пива, без которого я не мыслил себе жизни. Уверяла, что от запаха спиртного у нее начинает болеть голова. Максимум, который она позволяла себе – бокал-другой легкого вина по очень большим праздникам.

Но сейчас она была пьяна.

– Любимы-ый! Как ты там без меня? Скучаешь? А нам тут так весело! И Аркадий такой заводной!

«Кто же, черт возьми, написал эту мелодию?» – с новой силой завертелось у меня в голове.

– Он купил мне самого дорогого шампанского, представляешь? Милый, почему ты никогда не покупаешь мне дорогое шампанское? Сейчас буду принимать ванну из шампанского! Из дорогого шампанского. Милый, ты где, ау-у?! Не скучай, скоро приеду...

Я долго держал трубку в руке, слушая размеренный ритм коротких гудков. А в голове вертелась только одна мысль – кто же написал эту чертову мелодию?

93

Из районной газеты «Маяк» от 14 июня 2000 года

«Вандализм в центре города или у нас появились сатанисты?»

В минувшую субботу провинциальную тишину и покой нашего городка нарушило из ряда вон выходящее событие. В мусорном контейнере, расположенном на перекрестке ул. Весенней и ул. Свободы, были найдены обезображенные трупы тринадцати месячных котят. Страшную находку случайно обнаружила пенсионерка К., выносившая рано утром мусор. Она вызвала милицию и специалистов санэпидемслужбы.

По словам участкового милиционера старшего лейтенанта И. Васина, среди прочих версий проверяется версия о совершении ритуального обряда. На подозрения сыщиков наводят несколько фактов. Вопреки обычаям котята не были «утоплены в ведре». Судя по внешнему осмотру, злоумышленник профессионально перерезал им горло, а затем выпустил из несчастных животных всю кровь. На задних лапках котят обнаружены следы от проволоки. Веро-

ятно, какое-то время уже мертвые животные висели, подвешенные вниз головой. Однако ни в самом контейнере, ни поблизости от него не обнаружено следов крови. Складывается ощущение, что из котят сначала выжали всю кровь без остатка, а уже затем отнесли их на мусорную свалку.

И еще один странный факт: все умерщвленные котята оказались абсолютно черного цвета. Как рассказал старший лейтенант И. Васин, в настоящий момент возбуждено уголовное дело по статье «Жестокое обращение с животными». Следствие не исключает, что злодеяние – дело рук так называемых сатанистов.

Невольно напрашивается вопрос: неужели в нашем древнем, патриархальном городе, живущем исключительно в традициях православной культуры, нашлись люди, решившиеся присягнуть «контрвере»? Что стало причиной их появления: чрезмерная увлеченность западной кино- и видеопродукцией сомнительного содержания и качества или равнодушие обществу, которая вовремя не разглядела и пропустила страшный факт?

Оставим право ответить на данные вопросы милиции. Но и нам самим пора бы задуматься, заглянуть в свои души и в души своих близких, задаться вопросом: как такое стало возможным? Может быть, наш ответ поможет изгнать дух черной озлобленности из души тех, кого не остановил ни вид крови, ни молящие о жизни глаза месячных котят? Возможно, это и не поможет, но если мы не попытаемся сделать что-то очень важное сегодня, кто поручится за то, что завтра в контейнере не окажется уже не кошачье, а человеческое тело?»

92

Следующее утро я встретил другим человеком. Вернее, мир, встретивший меня из сна, был другим. Что-то все-таки произошло, что-то изменилось за то время, пока я спал. Сколько я спал? Два, от силы три часа. После звонка жены долго лежал без сна в кровати, как был, в одежде и смотрел в темный потолок. В голове вертелась привязавшаяся мелодия, имя автора которой я никак не мог вспомнить. Приложил все силы, какие только смог. Словно от того, вспомню или нет, могло что-то измениться.

Потом уснул. Сон, как обычно, подкрался незаметно. Умелой рукой он сдавил мое горло и закрыл глаза. Я отключился. Сновидений на этот раз не было. Даже проклятой лестницы. Вместо нее – темнота.

Огромное черное ничто без дна и границ.

И так же резко я проснулся. Без сладких потягиваний и полудремы. Просто открыл глаза и начал жить. Так включается после долгого перерыва заводная игрушка, заяц-барабанщик. Забытый, он может стоять на столе месяцами без всякого движения, застыв на полушаге. Но стоит только нажать на кнопку, как он заработает и продолжит движение с того самого момента, на котором все оборвалось в прошлый раз. И даже барабанная дробь зазвучит с той же ноты.

Примерно так чувствовал в то утро и я себя. Открыв глаза и очутившись в этом мире, я сделал шаг вперед. Но ощущение было такое, что шаг я всего лишь закончил. Как минимум половину сделал раньше.

Но когда?

91

Предраассветный холодок сочился с улицы сквозь растрескавшуюся оконную раму. Жена уже несколько месяцев намекала на то, что неплохо бы ее заменить на современную пластиковую. «Неплохо было бы вообще все заменить», – уныло подумал я. Раму, стекло, квартиру, город, жизнь... Жену?..

От одного и того же рано или поздно устаешь.

Я встал, скинул с себя измятую вчерашнюю одежду и натянул домашнее трико и футболку. Застелил кровать. Умылся в ванной. На краешке раковины нашел засохшее крохотное пятно. Маленькая капелька, сгусток крови. Я смыл его. Кровь напомнила о ночном разговоре с женой. Настроение тут же испортилось.

Гаденькое чувство сомнения впилось в меня цепкими коготками.

Даже аппетит пропал. Вместо полноценного завтрака я только лишь вскипятил чайник и приготовил чашку кофе. Но выпить ее не смог. Кофе оказался отвратительным на вкус, хотя готовил я его так, как готовил всегда. Наверное, все дело было в чашке. Или в воде. Ведь не в кофе, который вчера утром был превосходным? Я вылил содержимое чашки в раковину и тщательно вымыл ее. Затем заново вскипятил чайник и приготовил новую порцию кофе. Вкус оказался еще более отвратительным, чем в первый раз. Кофе опять отправился в раковину, а чашка в мусорное ведро.

Зачем нужна дешевая чашка, отравляющая вкус дорогого кофе?

По субботам и воскресеньям редакция не работала. Обычно я был рад двум выходным, потому что мог провести их с женой. Но эта суббота была первой, когда Кати не оказалось рядом. Я поймал себя на мысли об этом, когда выбросил в мусорное ведро кофейную чашку. Впервые за три года Кати не было рядом со мной в субботу. Почему раньше я никогда не думал о том, что она всегда, каждую субботу находится рядом со мной?

Может, потому что привычное со временем становится незаметным?

Время еле ползло. Нечем было его заполнить. У меня не было никаких дел. Оно шло само по себе, словно отдельно от меня, медленно раскручивая маховик своего существования. А я застыл на одном месте и никуда не двигался. У меня совершенно не намечалось никаких дел. Желая занять себя, я сделал уборку. Пропылесосил комнаты, вытер пыль влажной тряпкой, затем протер все сухой. Вымыл окна. Перетер два сервиза, полившие за стеклом серванта, которое тоже протер специальным моющим средством. Выровнял книги на полках. Полил цветы. Перемыл заново всю посуду, насвистывая под нос навязчивую мелодию неизвестного автора, услышанную вчера в телефонной трубке. Заложил белье в стиральную машину. Потом передумал и включать ее не стал. Посмотрел на часы. На все ушло три часа.

День только начинался, а у меня по-прежнему совсем не было дел. Пробовал читать, но слова сливались в единую, неразличимую горизонтальную линию. Так читать нельзя. Уж лучше сразу отложить книгу в сторону и не мучить ни себя, ни ее. Пробовал смотреть телевизор. Ничего не вышло. Программы не вызвали интереса, и я выключил его. Потом оделся и вышел на улицу.

90

У меня не было конкретной цели в пути, мне необходимо было подумать. Осмыслить то, что произошло со мной за минувшие сутки. Ведь со мной что-то произошло, а я до сих пор толком не знал, что именно. Девушка с ее странными звонками, девица в баре, принявшая меня за какого-то Артема... Нечто, поджидавшее меня дома и ночной, непонятный звонок жены, невесть чем занимавшейся в столице. Она ведь просто поехала на симпозиум. Но у меня в ушах так и стоял ее голос: «А Аркадий такой заводной!». Что еще за Аркадий? Кто такой, этот Аркадий? Что за человек находится рядом с моей женой? Откуда он взялся, из какого прошлого или настоящего пришел и бесцеремонно вторгся в мою жизнь?

Неужели он надеется на некое будущее, в котором я стану для своей жены прошлым?

Тревожные мысли одна за другой порождали вопросы, слышать которые я на самом деле не желал. Поэтому гнал их прочь. Мне не хотелось думать о жене и о том, чем она занимается в Москве. По крайней мере, сейчас. К чему волнение, если все равно ничего не смогу изменить.

Волноваться стоит только в последний момент.

Только обреку себя на ненужные муки. Я просто бродил по улицам и разглядывал прохожих. Некоторые из них были мне знакомы. Кивком головы мы приветствовали друг друга, и расходились каждый в свою сторону.

Миновав центр, я вышел на окраину и добрел до городского парка. Здесь всегда было тихо. Детские аттракционы закрылись в начале 90-х, на стыке невероятно разных эпох. С тех пор их останки гнили под открытым небом. Все, что могли сломать и растащить, давно сломали и растащили. Оставшиеся остовы каруселей напоминали гигантские скелеты ископаемых динозавров, выставленных на обозрение в палеонтологическом музее. Особенно выделялся ржавый остов «Чертова колеса».

Огромный символ былого величия, окруженный аурой тоски. Поистине унылое зрелище.

89

Я выбрал скамейку в одной из самых тихих и дальних аллей парка и присел. День не был жарким. Небо немного хмурилось и пестрило темными, пузатыми облаками, лениво катившимися в вышине. Порой, они закрывали собой солнце, и по земле пробегала неровная тень от них, подгоняемая легким ветерком, приносящим с собой приглушенные отзвуки городской суеты. Я прикрыл глаза. А когда открыл их, рядом со мной сидел незнакомый старик.

Я оглядел его. Старик сидел прямо, точно в его позвоночник вогнали длинный деревянный кол. Его прямога была неестественной. Но она, казалось, не мешала ему. Старик сидел совершенно спокойно, положив руки ладонями вниз на колени. Он смотрел прямо перед собой. Я проследил за его взглядом: тот упирался в кусты акации.

– У каждого есть свои ориентиры, – неожиданно произнес он, не поворачивая головы, так, будто не начал, а всего лишь продолжил разговор, который мы с ним вели до сего момента. – Возьмем, к примеру, акацию. Она всегда росла в этом парке. Если повезет, здесь она и умрет. Этот парк – ее маленький мир, наполненный ее основными ориентирами. Ничего другого она не знает и не догадывается, что на свете существуют и другие парки. Снизу земля, сверху небо, по сторонам – соседние кусты акации – вот и весь ее мир. Из земли она произрастает, к небу тянется, с соседями борется за существование. Стоит ей уступить хоть пядь земли, хоть клочок воздуха, и она зачахнет.

Старик замолчал так же неожиданно, как и заговорил. Я смотрел на него с интересом. Кажется, у меня впервые за день появилось хоть какое-то любопытное занятие. Я был уверен, что старик присел на скамейку рядом со мной неслучайно. Вокруг было полно таких же скамеек.

Пустых скамеек.

Он повернул ко мне голову. Обыкновенный старик, с лицом, изъеденным морщинами, с глубоко посаженными печальными глазами цвета василькового поля и седой, растрепанной шевелюрой, давно не знавшей расчески. На щеках тусклым отливом синела щетина.

– Ориентиры? О чем это вы? – заинтригованный, спросил я.

– Ориентир – это приметный знак, точка отсчета, но не сама цель, – невозмутимо продолжил он. – Человеку свойственно двигаться по ориентирам. От одного к другому. Как в эстафете, в «охоте на лис», есть такой вид спорта. От старта к финишу. Но финиш бывает промежуточным, хотя некоторые принимают его за окончательный и останавливаются, не зная, что надо двигаться дальше. Иные сбиваются с пути, потому что неправильно выбирают ориентиры или двигаются по чужим меткам. Это обиднее всего. Ты можешь первым преодолеть дистанцию, пройти ее безошибочно, и, если тебе не подскажут, только на финише узнаешь, что все время шел не по своему маршруту. Начинать заново уже поздно. Никто не позволит, да и сил уже нет.

– Интересуетесь спортом? – предположил я.

– Интересовался, – вяло вздохнул старик, взглянул на меня и снова безразлично отвернулся к акации. – Спорт – всего лишь маленькое отражение большой жизни. Кто-то занимается им ради рекордов, кто-то для самоутверждения, кто-то для здоровья. А некоторые занимаются спортом просто потому, что так сложилось. Родители привели их в секцию, сдали на руки тренеру и тот начал лепить из ребенка будущую посредственность. Он знает, что не вырастит чемпиона, но все равно выжимает из бедного ребенка все соки. И не только потому, что ему платят за это деньги. Спорту нужны посредственности. Без них ведь не будет рекордов. Рекордсмены меняют друг друга на вершине, но плато, на котором она зиждется, состоит из посредственностей. Они – тот серый фон, на котором только и способна засиять звезда чемпиона. Чем больше посредственностей, тем значимее рекорд. Чем серее фон, тем ярче блеск звезды. Нельзя быть лучшим, если не из кого выбирать.

– Но чем меньше выбор, тем легче стать лучшим, – возразил я.

– Зато выбор лучшего из сотни куда весомее, чем из десятка, – с готовностью отозвался он. – Стать лучшим в любом случае нелегко.

Старик замолчал и слегка пожевал губами, словно пробовал свои слова на вкус.

Он был одет очень просто. Застиранный, когда-то в синюю крупную клетку, а теперь осветленный, выцветший рубашка, черные, кое-где грубо заштопанные штаны, тяжелые стоптанные ботинки. Я долго не мог отвести от них взгляда. Похожи на рабочие – на толстой резиновой подошве, с широкими, тупыми носами. Высокий каблук, никакой эстетики. Грубая кожа, черные, проржавевшие заклепки. Меня всегда удивляли такие ботинки. Их можно было увидеть только на ногах таких людей, каким был этот старик. Словно они уже рождались вместе, в одном комплекте. В магазине подобных ботинок не встретишь. Их цена неизвестна. Производитель тоже. Может, и существовала фабрика по производству таких ботинок. Где-то высоко в горах. А у ворот такой фабрики, наверное, каждое утро выстраивается длинная очередь из чудаковатых стариков. Они ждут ботинки.

А может, нет никакой очереди, а ботинки присылают им по почте?

– Кажется, мне изменяет жена, – неожиданно произнес я.

Старик промолчал. Он все так же сидел прямо, устремив немигающий взгляд перед собой.

– Она в Москве, на каком-то симпозиуме. Уехала в командировку. Уехала одна, а сейчас там с ней... какой-то Аркадий.

– Ты уверен, что у *тебя* есть жена? – сухо спросил старик.

Я удивился. Разве могло быть иначе? Как я мог быть не уверен, если три года назад мы с Катей зарегистрировали брак в загсе, отметили событие с гостями и с тех пор счастливо живем вместе, под одной крышей?

– Ты уверен, что она изменяет *тебе*? – переиначил вопрос старик, и я понял, что он ничего у меня и не спрашивает. – Задумывался ли ты вообще над тем, кто *ты* есть?

Как хорошо, что рядом оказался этот старик. Я повернул голову к нему и обомлел... Старика не было! Он исчез столь же внезапно, как и появился. Абсолютно бесшумно, даже воздух не потревожив. Словно растворился, распавшись на миллиарды элементарных частиц. Он лишь подсказал мне вопросы, которые я сам давно должен был задать себе.

Неприятные вопросы, но кто-то же должен был их произнести.

По пути домой я зашел в «Десну». Алена в этот день не работала, а ее сменщица, грузная женщина по имени тетя Зоя, нацедила мне в пустую пластиковую бутылку из-под газировки разливного пива. Я мрачно следил за тем, как оно светлой струйкой стекает по прозрачной

стенке бутылки. На дне, под бурой и быстро растущей шапкой пены, кружился нездоровый осадок, но я ничем не выразил свое недовольство. Тетя Зоя жила тем, что обсчитывала покупателей и разбавляла пиво. Так было всегда, и все к этому привыкли. Даже тетя Зоя. Однажды я задумал провести эксперимент и протянул ей сотенную бумажку, с которой она принялась отсчитывать сдачу.

– Тетя Зоя, не надо сдачи, – сказал я.

Она на миг отвлеклась от своего занятия и недоверчиво посмотрела на меня, ожидая объяснений.

– Сдачу можете оставить себе, мне не жалко, – добавил я. – Но взамен, пожалуйста, налейте мне неразбавленного пива без осадка.

Ее круглое, пунцовое лицо напряглось и окаменело, ожидая подвоха. Маленькие, заплывшие глазки беспокойно забегали по сторонам. Руки машинально опустили отсчитанную мне сдачу обратно в карман ее белого, но не первой свежести, передника.

– Хам, – выстрелила она сквозь зубы и налила мне разбавленное пиво.

Есть люди, для которых деньги превыше всего. Но даже большие деньги не заставят их стать хоть на толику лучше.

Тетя Зоя восприняла мои слова, как личное оскорбление, но забрала себе мою сдачу. Должно быть, посчитала ее достаточной и заслуженной моральной компенсацией. А мне все равно досталось разбавленное пиво. Ценой в сто рублей, то есть в десять раз дороже номинала.

С тех пор тетя Зоя меня недолюбливала. Вот и на сей раз она налила пиво в бутылку так, чтобы почти наполовину ее заполнила пена нездорового желтоватого цвета. Тяжело бухнув бутылкой о прилавок передо мной, она густым низким голосом потребовала оплату:

– С вас двадцать один рубль.

Я порывлся в карманах, вынул сотенную бумажку и увидел, как загорелись при виде рыжей купюры глаза тети Зои. Пришлось сунуть сотню обратно в карман и срочно искать мелочь.

87

Дома было пусто и скучно. Делать по-прежнему было нечего. Я недолго повалился на диване, потом включил телевизор. По первому каналу транслировали матч футбольного чемпионата. Я сделал громче, достал из холодильника не успевшее толком охладиться пиво и устроился в кресле перед телевизором. Матч оказался неинтересным, пиво невкусным.

Появилось ощущение того, что жизнь проходит зря.

Невольно я задумался о ценности времени. Большинство людей не умеют им распоряжаться. Порой, бывают такие ситуации, когда дорога каждая секунда. Человек куда-то опаздывает, бежит, волнуется и злится. От этого, случается, зависит его судьба, а бывает, что и жизнь. И все решает какой-то миг, секунда, минута. Ничто по сравнению с тем, что вообще представляет собой время.

Оно бесконечно для мира, но строго ограничено для человека.

Если бы человек мог правильно распределять свое время, то он никогда бы не скучал. Всегда был бы чем-то занят. И всегда и везде успевал бы вовремя. Взять, к примеру, прошлую неделю. Я ездил в командировку в одно из сел отдаленного района и со всех ног спешил на последний автобус. Мне не хватило всего несколько минут. Когда я прибежал на остановку, автобус уже отъехал метров на сто пятьдесят. Я кричал ему вслед, размахивал руками, пытаюсь привлечь внимание водителя или сидящих в салоне пассажиров. Но автобус уехал без меня. Пришлось пешком добираться до трассы и ловить попутку до города. Я отдал тогда случайному «бомбиле» все имевшиеся с собой деньги, другого выхода у меня не было, и водитель это понимал.

А теперь я сидел перед телевизором, неторопливо тянул пиво и не знал, чем себя занять. Если бы я только мог перенести несколько абсолютно бесполезных минут из этого времени в то... Наверняка, успел бы к автобусу.

«Человек стал бы всемогущим и обрел бы бессмертие, если бы сумел подчинить себе время», – подумал я и подкрепил свою мысль большим глотком пива.

Затем в голову пришла другая мысль: *зачем мне бессмертие, если я не могу наполнить смыслом даже тот краткий отрезок времени, что отведен мне на жизнь?*

Новый глоток пива увлек эту мысль за собой на дно желудка. Тут же на освободившееся в голове место полезли миллиарды новых мыслей, одна страшнее другой. К счастью, от пустых дум меня отвлек телефонный звонок. Я вздрогнул и едва не пролил на себя пиво из бокала, который держал в руке. Звонок повторился.

Время вновь обрело для меня смысл.

Я поднялся из кресла, дошел до телефона и поднял трубку. Звонить могла жена, и только поэтому я решился ответить. Наверняка, чувствует себя ужасно и хочет извиниться. Но в трубке раздался голос Сашки Длинного.

– Привет, – дружески произнес он. – Что делаешь?

– Смотрю футбол.

– Кто выигрывает? – поинтересовался он.

– А кто играет? – задумался я.

– О, с тобой все ясно, – весело протянул Длинный. – Ты как, готов?

– К чему? – не понял я.

– Как это к чему? Ты что, ничего не помнишь? Мы же вчера вечером обо всем договорились. Лес, помнишь?

Я задумался и напряг память. Что-то, связанное с лесом, смутно мелькнуло где-то на задворках сознания.

– Прости, кажется, я вчера перебрал, – извинился я. – Ты мне не напомним, что за лес?

– Ну ты даешь, – восхитился Сашка. – Надрался... Да когда ты успел? Из бара, вроде, вышел на своих двоих.

– Видно, водка попала такая. Ноги шли, а голова не работала.

– Когда водка «такая», все наоборот, – беззлобно хохотнул Длинный. – Ладно, слушай, а то у меня времени мало. Цыган хочет взять лес для своего деда, точнее, от имени своего деда. Типа, для ремонта его дома. Дед – ветеран войны, ему по закону двадцать кубов положено бесплатно. Цыган вчера в администрацию ходил, и там ему двадцать кубов березы выписали. А береза сам понимаешь, ничего не стоит. Так мы вчера договорились поменять ее на дуб. Надо съездить к леснику, говорят, за банку самогона он все устроит.

– Все ясно: лесник, самогон, береза, дуб. А я зачем вам нужен?

– Как зачем? Для толпы. Подстраховать, если что. Ну и договориться насчет бланка. Ты у нас самый представительный.

– Какого еще бланка?

– Неужели ты вообще ничего не помнишь?

– Прости, я вчера думал о другом. Кажется, мне Катя изменяет.

– А-а-а... Не бери в голову. Дашь по морде – успокоится. Короче, через полчаса мы за тобой заедем. Надень тряпье, мы в болота какие-то поедем. А насчет Катюхи не переживай, если что – поможем. Ну, давай, до встречи.

Я и не волновался – просто застыл в загустевшей массе времени, ожидая, когда оно само стронется с места и увлечет за собой и меня.

Я повесил трубку, однако не успел сделать в сторону комнаты и нескольких шагов, как телефон снова зазвонил. Я вернулся и поднял трубку, думая, что звонит Длинный, забывший о чем-то сказать.

– Привет, – промурлыкал в трубке голос девушки. – Ты меня еще не забыл?

– Опять вы? – изумился я. – Что вам от меня нужно? Прошу, оставьте меня в покое!

– Ты в плохом настроении, да? – участливо поинтересовалась девушка. – Жаль, мне так хотелось с тобой поболтать. Знаешь, сегодня у меня был трудный день. А ночь была еще труднее. Кстати, мы с тобой едва не встретились этой ночью.

Я похолодел от ее слов, вспомнив ночные кошмары.

– Да, милый, мы могли неплохо провести время.

– Кто вы? – прохрипел я. – А, понял, вы та девица из бара, которая просила водки и называла меня Артемом? Угадал?

– Фи, как пошло. Как ты мог принять меня за нее?! Между нами же нет ничего общего. Неужели ты этого не замечаешь?

– Как я могу вас сравнивать, если я вас не знаю и никогда не видел? И откуда вы знаете, как она выглядела, если вас там не было?

– Ну, хватит! – внезапно взорвалась девушка. – Мне надоел этот цирк! Хватит притворяться, что ты меня не помнишь! Ты не мог не узнать меня! Ты не мог забыть меня! А если забыл, то я тебе напому. Все, милый, пришло время возвращать долги. Я говорила тебе, что оно наступит. Теперь расплачивайся. Больше не буду с тобой сюсюкать. Раз ты ко мне так относишься, то и я отброшу жалость к тебе. С этой минуты твоя жизнь превратится в сплошной кошмар. Но самое страшное для тебя будет то, что ты не пострадаешь. Страдать будут другие, близкие тебе люди. Пусть это послужит тебе уроком и предупреждением.

– Еще одно слово в таком духе, и я позвоню в милицию, – угрозой на угрозу ответил я.

– Не смейся меня, – усмехнулась она. – Ты же прекрасно знаешь, что милиция не поможет. Хорошо, даю тебе еще один шанс. Если скажешь, кто я такая, будешь прощен. Я только заберу то, зачем пришла, и на этом все кончится. Подумай хорошенько, прежде чем ответить. Возможно, от твоего ответа зависит жизнь многих людей. Итак, если ты называешь мое имя правильно, никто не пострадает. Если нет, пеняй на себя. Скажи, кто я?

– Вы – сумасшедшая, – убежденно выдохнул я. – Умалишенная неврастеничка, психопатка, которая достает меня телефонными звонками. Ваше место – в психушке. И если вы не оставите меня в покое, я обязательно разыщу вас и отправлю по назначению.

– Хм, жаль, что ты относишься к моим словам, как к глупой шутке, – разочарованно протянула девушка. – Хорошо, теперь я постараюсь сделать так, чтобы ты, наконец, поверил в серьезность того, что я говорю. До встречи, милый.

Она повесила трубку. У меня пересохло в горле. В два глотка я осушил полулитровый пивной бокал.

Внутри появилось предчувствие скорой драки.

85

Нечто подобное я испытал в пятом классе. Однажды на перемене, когда мои одноклассники сломя голову бегали по кабинету, кто-то случайно толкнул меня под руку. К несчастью, в тот момент я заправлял из чернильницы ручку. Она дернулась, и огромная жирная чернильная клякса, сорвавшаяся с моего пера, села на белую рубашку проходившего мимо Мишки Бешеного. Он был второгодником и хулиганом, старше меня почти на два года и почти на две головы выше. Его боялись, как огня, все мои сверстники. Мишка знал только один способ решать проблемы: с помощью кулаков.

Он признавал только право сильного.

А единственным способом установить справедливость для него была драка. От скорой расправы меня уберег только звонок, возвестивший о начале урока. Но Мишка кляксу не простил. Он аккуратно высушил ее промокашкой и издала показал мне кулак. Отчасти он сам был виноват в том, что произошло. Мы все носили одинаковую школьную форму. Мишка терпеть не мог уравниловки и отличался тем, что никогда не застегивал пиджак. Его нередко за это наказывали, но он все равно расстегивал его, едва выдавалась возможность.

Если бы он подчинялся правилам, пятно село бы на пиджак и было бы не так заметно.

Во время урока учительница заметила кляксу и отправила Мишку домой, переодеться. Он отказался уходить, заявив, что из-за такого пустяка, как клякса, не хочет лишиться знаний.

– О, похвально, – удивленно вскинула брови математичка, хорошо знавшая Мишку. – Вот, дети, оказывается, с кого надо брать пример. Мы думали, что Миша лентяй и лоботряс. А человек, оказывается, тянется к знаниям, как робкий росток к лучам весеннего солнца. Миша, может быть, ты у доски решишь задание и покажешь остальным, как надо учиться?

Мишка густо покраснел, вышел к доске и получил двойку. Пока математичка старательно выводила «неуд» в журнале, он тяжело сопел и не сводил с меня свирепого взгляда. Ближе к концу урока мне передали от него записку. В ней Мишка вызывал меня после занятий на пустырь за школой. Именно там он обычно наказывал свои жертвы.

У меня не было шансов. Я с тоской поглядывал за окно. Там блаженствовал теплый солнечный день. Дети из начальных классов бегали, пребывая в абсолютно счастливом и безмятежном состоянии духа. Я им завидовал. Казалось, все вокруг чему-то радовались. И только у меня на душе скребли кошки. До конца занятий оставалось еще три урока. Затем меня должны были отдубасить так, что и родная мама не узнала бы.

Я не боялся драки, но прекрасно сознавал, что ничего не смогу противопоставить Мишке Бешеному. Он был гораздо сильнее меня. Но главное – для него драка являлась нормой жизни, а для меня – естественной необходимостью. Если я всегда старался сделать все, чтобы избежать драки, то Мишка поступал наоборот. Иногда мне казалось, что избивая слабых, он пытается выместить на них всю ту злобу на окружающий мир, что копилась в нем с рождения. Все в школе знали, что его родители – алкоголики. Мишку воспитывала бабушка; отец угодил в тюрьму, а мать лишили родительских прав. Правда, ходили слухи, что она умерла от рака. Наверное, Мишке жилось несладко. Он никогда ни с кем не говорил на эту тему.

Он просто бил всех, кто казался ему слабее его.

Три урока я просидел как на иголках. Чем ближе было время «Ч», тем громче и быстрее билось мое сердце. В уме я лихорадочно перебирал различные варианты спасения. Строил планы о том, чтобы незаметно выскользнуть из школы. Это было возможно, но тем самым я бы еще больше разозлил Мишку. Он все равно отловил бы меня на следующий день, и мне, наверняка, досталось бы еще сильнее. После побега лучше было бы никогда не возвращаться в эту школу. Чего я сделать, естественно, не мог. Что бы я сказал родителям, как бы все объяснил? Если правду, они пришли бы в школу и вместе с директором и учителями разобрались бы с хулиганом. Конечно, он бы с тех пор не тронул меня и пальцем.

Никто больше не тронул бы меня и пальцем, потому что меня вообще перестали бы замечать.

Таких людей обычно прозывают маменькиными сынками и перестают с ними общаться. Их презирают, и презрение сопровождает их долгие годы, вплоть до глубокой старости, убивая всякое самоуважение. Они умирают глубоко несчастными людьми. Чтобы избежать этого, мне пришлось бы менять уже не школу, а город. Зачем?

Можно убежать от других, но от себя не убежишь.

И я остался. На перемене перед последним уроком я решил подойти к нему и извиниться. Это был плохой вариант, но ничего лучше в голову не приходило. Мишка стоял в коридоре у окна, опираясь на подоконник, в окружении девчонок из старшего класса. Я подошел

к нему сзади и простоял робко всю перемену, ожидая подходящего момента для разговора. Надеялся на то, что девчонки отойдут от него. Тогда мы смогли бы поговорить наедине.

Кляксу на своей рубашке Мишка прикрывал от девчонок учебником по русскому языку. Должно быть, стеснялся. И уйти не мог, так же, как и застегнуть пиджак. И я почувствовал тогда острый укол совести. Впервые ко мне пришла мысль о том, что Мишка – тоже человек. Что у него есть свои слабости и чувства. До сих пор всем нам он казался безумным диким зверем, по ошибке втиснутым природой в тело пятиклассника-второгодника.

Я так и не дождался удобного момента. Прозвенел звонок, девчонки бросились по своим кабинетам. Мишка стоял на месте, у окна, ожидая, когда они скроются. Затем заспешил в наш кабинет. По пути обернулся, заметил меня и свирепо сдвинул брови.

– Не забудь про пустырь, малявка, – зло прошипел он.

Внутри у меня все оборвалось. Теперь никаких надежд на спасение не оставалось. Я был вынужден вступить с ним в неравный бой.

Мишка уже входил в кабинет, когда из его учебника, который он по-прежнему сжимал в одной руке, выпал листок. Я поднял его, но не успел вернуть, так как Мишка уже прошел в дверь. Сунув листок в карман, я вбежал в класс за мгновение до учителя и занял свое место за партой. Во время урока незаметно достал находку из кармана и хотел передать по рядам Мишке. Но не передал. В моих руках оказалась фотография, с которой мне улыбалась симпатичная молодая женщина. Она была просто одета, но казалась невероятно счастливой.

После уроков Мишка ждал меня на пустыре. Он был не один. На турниках поодаль забавлялись два его постоянных спутника – хулиганы из параллельных классов. Они, словно шакалы за львом, следовали за ним в отдалении, упиваясь правом унижать и добивать избитых Бешеным сверстников.

Я еще издали увидел, что Мишка сидит на старом высохшем бревне и ждет меня. Не было надежды на то, что он меня простит. Пятно на его рубашке бросалось в глаза даже издали. В ярком солнечном свете оно казалось еще темнее и больше, чем было на самом деле. Когда я подошел, Мишка копался в своем портфеле. Он поднял на меня глаза и скользнул по мне безучастным взглядом. Его лицо отражало смесь крайней растерянности и досады. Мне показалось, что он вот-вот расплчется.

Таким я его еще никогда не видел.

Я вынул из кармана фотографию и протянул ему.

– Твоя? Держи, она выпала из твоего учебника.

Его реакция меня поразила. Мишка вскочил на ноги и вырвал у меня из руки снимок. Его лицо просветлело. Он торопливо сунул фотографию во внутренний карман школьного пиджака и замахнулся на меня рукой.

– Украл мою фотографию, да?!

– Нет, она выпала, а я нашел и вернул тебе.

Судьбу решают мгновения.

Мишка уставился на меня тяжелым ненавидящим взглядом. Он молчал, молчал и я, завожено глядя то на его большие, судорожно сжимавшиеся и разжимавшиеся кулаки, то в его налитые кровью глаза. Его спутники соскочили с турников и издали напряженно наблюдали за нами. Внезапно Мишка обмяк и безвольно опустился на бревно. Его лицо исказила гримаса. Он отвернулся от меня и вдруг мелко затрясся. Ничего не понимая, я подошел к бревну и присел рядом. Мишка тут же отвернулся в другую сторону, но я успел заметить, что он плачет.

– Эй, что с тобой? – осторожно тронул я его за плечо.

Он нервно дернул плечом, скинув мою руку, и еще какое-то время просидел спиной ко мне. Когда он обернулся, лишь припухшие веки говорили о том, что он действительно плакал. В руках Мишка держал фотографию.

– Это моя мама, – тихо произнес он. – Она умерла полтора года назад.

Я не нашелся, что ответить, и просто кивнул. Понять Мишку было просто. Чтобы почувствовать его боль, я на миг зажмурил глаза и представил себе, что умерла моя мама.

Мне стало очень больно и печально. Захотелось плакать.

– Она была самой лучшей мамой на свете, – убежденно продолжал Мишка. – Когда меня отняли у нее, она каждый день приходила к нам с бабушкой и приносила что-нибудь поесть. А однажды принесла эту рубашку и велела надевать ее в самых торжественных случаях. Я каждый день ношу эту рубашку с тех пор, как она умерла.

Он замолчал, и я почувствовал себя еще хуже. Я понял, что заслужил быть не просто избитым, а очень сильно избитым, может быть, даже исколоченным до смерти. И теперь всей душой желал этого, хотя и понимал, что даже избиевание не искупит моей вины. Настолько огромной она была. В тот момент я понял две вещи. Во-первых, бывает так, что никакое наказание не может искупить вину. Во-вторых, иногда человеку можно причинить боль невольно, не желая и не подозревая об этом.

И никакое оправдание не сделает боль тише.

Мишка не стал меня бить. Из грозного хулигана он внезапно превратился в беспомощного и растерянного, обычного мальчишку.

– Пойдем ко мне, – предложил я. – Моя мама постирает твою рубашку и угостит тебя обедом. У нас сегодня вкусный суп, макароны по-флотски на второе и чай с клубничным вареньем на десерт.

В глазах Мишки плясали вопросы, точно он не верил, что мои слова обращены к нему. В тот день он пообедал у нас. Мама каким-то чудом сумела отстирать ему рубашку. До конца пятно так и не исчезло, но стало почти незаметным, и Мишка был счастлив. Кроме того, мама подарила ему еще несколько рубашек, а позже собственноручно сшила для него брюки.

С тех пор его отношение ко мне заметно изменилось. В школе он не показывал вида, что общается со мной, иногда даже покрикивал, но никогда и пальцем не трогал. А после занятий втайне от всех приходил к нам домой, и мы с ним часами сидели в моей комнате. Читали книги, смотрели слайды. Играли в какие-то игры. Разговаривали.

Это его не изменило. Он оставался хулиганом и колотил младших. Его поведение неоднократно выносилось на обсуждение педсовета. А однажды его исключили из школы. В тот день он зашел в класс попрощаться. Мишка стоял перед нами, придавленный тяжестью осуждающих взглядов, и смотрел на меня. До сих пор мне кажется, что он искал в моих глазах поддержку. А в них, должно быть, была только жалость.

В то время я еще не знал, что сильным людям жалость не нужна.

84

Друзья заехали за мной через полчаса, как и обещали. К тому времени я успел перебрать содержимое шкафа и оделся. Натянул на себя сохранившуюся со времен службы в армии форму: брюки х/б и такую же куртку. Под нее надел темно-зеленую футболку. На голову – армейское кепи. В лесу было полно клещей, следовало соблюдать осторожность. Один укус мог привести к сложной и почти неизлечимой болезни с непредсказуемыми и, порой, необратимыми последствиями. Я не хотел, чтобы крохотная и никчемная тварь, которой вдруг понадобилось кого-то укусить, выбрала в качестве жертвы меня и в корне изменила мою жизнь.

С улицы донесся звук подъехавшего автомобиля, а вслед за тем раздался протяжный звук клаксона. Я вышел из квартиры и закрыл за собой дверь. Во дворе стоял старенький «Москвич» синего цвета. За рулем сидел Цыган. Рядом с ним на переднем сиденье расположился Серега. Сашка, широко раскинув руки по спинке сиденья, устроился сзади. Я присел рядом с ним. Дверца захлопнулась только с третьей попытки.

– Что за тачка? – поинтересовался я, по очереди поздоровавшись со всеми за руку.

– Одолжил у двоюродного брата, – беззаботно ответил Цыган. – Ну, родимая, давай!

Машина тронулась с места. Она была старой, а хозяин, должно быть, совсем за ней не ухаживал. Но моих друзей это не заботило. «Москвич» ехал, покрывая километры, большего от него и не требовалось.

Ехать было далеко. Лесничество считалось дальним и располагалось на стыке трех областей. От города оно отстояло километров на сорок. Большая часть пути пролегла по бетонке, проложенной в лесу после войны. Места там были гиблые и топкие. Вокруг в лесах лежали вековые болота. Поэтому вместо асфальта дорожники одна к другой уложили бетонные плиты. Кое-где они лежали неплотно, и наш «Москвич» то и дело подпрыгивал на них, попадая колесами в выбоины между плитами.

По пути мы не встретили ни одной машины и ни одного прохожего. Лес – частый, темный и дремучий, плотной стеной подступал к дороге с обеих сторон. Деревья как на подбор были высоченными. Они давили своей массой – будто два пуансона огромного пресса нависали над нами, ежесекундно грозя сомкнуться и навсегда поглотить нас в своей безвозвратной толще.

Звук быстро терялся в непроходимых древесных полчищах.

Казалось, он застревал уже среди тех деревьев, которые росли в непосредственной близости от дороги, без остатка впитываясь в их губчатую, ненасытную кору. Мрачное настроение леса постепенно передалось и нам. Салон «Москвича» заполнила тишина.

Она была такой же густой, как лесное безмолвие.

Даже обычно веселый Цыган замолчал, хотя до этого беспрестанно сыпал шутками и мурлыкал под нос какую-то песенку.

– Хоть бы радио включил, – не выдержал Серега, нервно поправив очки.

Цыган послушно щелкнул тумблером. Из динамика выплеснулось громкое, режущее слух шипение.

– Не ловит, – поморщился от досады Цыган. – Ни одну частоту. Наверное, лес мешает.

– Тут места глухие, – согласился Сашка. – Болота. Говорят, здесь даже звери не живут.

– Почему? – заинтересовался Серега.

– Не знаю, так, вроде, было всегда.

– А я слышал, что тут по ночам нечисть бродит, – добавил Цыган. – Если заблудишься и до заката не выйдешь на дорогу, поймают, сожрут и высосут мозг.

– Знаешь, откуда пошли эти легенды? – спросил я.

Цыган отрицательно мотнул головой.

– С войны. Говорят, здесь много народа полегло. Прошлым летом мы сюда с одним краеведом приезжали. Он тут хотел памятную стелу нашим погибшим воинам установить. Так вот он рассказывал, что тут неподалеку в лесу течет небольшая безымянная речушка. Нет, какое-то название у нее, конечно, есть, в смысле официальное. А вообще у нее много названий. Местные, вроде, зовут ее Погибелкой. Короче, речка неглубокая и неширокая. Начинается где-то в лесах, по лесам течет, в лесах и теряется. Вокруг – непроходимые болота. Места такие гиблые, что люди испокон веков боятся туда заходить. Насчет нечисти не знаю, но говорят, что веке в тринадцатом до этих мест дошли монголо-татары. Хотели повернуть на город, но у Погибелки их поджидала княжеская дружина. Сеча была страшная. Рубились насмерть. Татар было больше, и они решили обойти наших с двух сторон и окружить. Только ничего у них не вышло. Татарский хан несколько отрядов лесом послал, но они все бесследно исчезли. Будто растворились между деревьями... А русские все стояли плечом к плечу, бились. Взбешенный хан решил сам пойти в обход. Взял с собой лучших воинов и... тоже исчез. Тогда татары струхнули и отступили, хотя победа уже была у них в руках. Русские почти все полегли на той речке. Татар тоже немало положили. Говорят, с тех пор вода в Погибелке красная от крови.

– Похоже на сказку, – недоверчиво протянул Серега.

– Может быть, но до города татары так и не дошли, хотя пытались, а это научно доказанный факт, – возразил я. – Редкий случай для тех времен. Наш город татары так и не взяли, а потом стороной обходили.

– Может, он просто бедный был? – предположил Серега. – Зачем брать бедный город?

– Кочевники в те времена города особо не выбирали. Какой на пути попадался, тот и брали.

– А что он тебе еще рассказал, твой краевед? – полюбопытствовал Цыган.

– Что? Рассказывал, что история еще не раз повторялась. В том же месте гибли и бесследно исчезали отряды Болотникова, Лжедмитрия и Гитлера. В годы войны там вообще масса народа полегла. Две армии – наша и немецкая. В сорок первом в основном наши, когда отступали. В сорок третьем – фашисты. Он мне даже место показал, проклятое. Знаете, такая огромная выжженная поляна. Там ничего не растет. Черное все. Только былинки кое-где торчат. А посреди поляны стоит до половины вросший в землю валун, огромный такой и тоже весь черный. Говорят, у него еще в древности жертвы приносили.

– Валун? – недоверчиво спросил Сашка. – Да ну, откуда ему тут взяться? У нас же гор нет, крупных камней не найти. Одни леса и поля.

– А может, это метеорит? Упал пару миллионов лет назад, вот и торчит с тех пор.

– Эх, я бы на него взглянул, – вздохнул Цыган. – Никогда метеорита не видел.

– Зачем он тебе? – усмехнулся Сашка.

– Как это зачем? Неземная вещь, прикольно. Считай, пришелец из других миров. Вот ты сколько на свете прожил? Двадцать девять лет. А метеориту, может, миллиарды лет. Представляешь, сколько он всего повидал.

– Метеорит? – насмешливо уточнил Сашка.

– Ну, не повидал, а пережил, свидетелем стал...

– Я тоже пережил немало...

– Все равно хочу посмотреть на него, а не на тебя. Мне твои переживания не интересны.

– Пять минут назад не хотел, а сейчас хочешь? – не унимался Сашка, в то время как мы с Серегой в спор не вступали, сохраняя нейтралитет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.